23-1-14

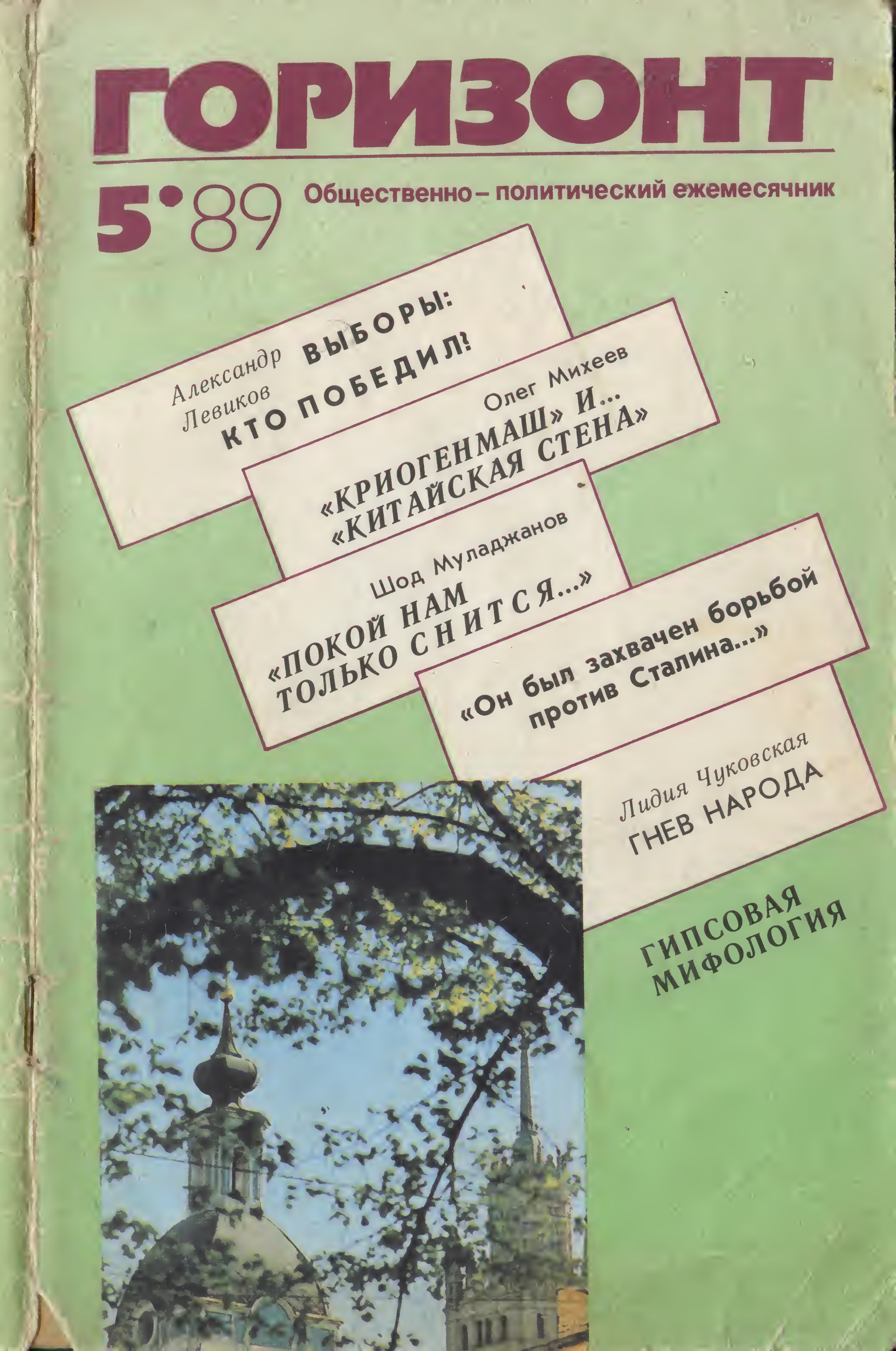
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали. **5.** Кинорежиссер, народный артист СССР. **8.** Лесная ягода. **9.** Транспортное средство. **10.** Прицеп для перевозки длинномерных грузов. **13.** Река в Северной Америке. **16.** Морская промысловая рыба. **18.** Город-курорт в Литовской ССР. **19.** Бог плодородия в древнефиникийской мифологии. **21.** Клубки узкой разноцветной бумажной ленты. **22.** Русский поэт XIX в. **23.** Роман А. Новикова-Прибоя. **25.** Прямая линия, ограничивающая геометрическую фигуру. **26.** Тип торгового здания. **30.** Командная спортивная игра. **31.** Этюд для пения без текста. **34.** Комнатное декоративное растение. **35.** Овощная культура. **36.** Текст, представляющий дословную запись устной речи.

По вертикали. **1.** Вершина Большого Кавказа. **2.** Свод правил, регулирующих деятельность организаций, учреждений. **3.** Художественно-публицистический журнал. **4.** Порода служебных собак. **6.** Страница в типографском наборе или в оттиске печатного издания. **7.** Музыкальная пьеса в быстром темпе. **11.** Род ивы. **12.** Застекленное помещение для выращивания и содержания растений. **13.** Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». **14.** Французский мореплаватель XVIII в. **15.** Прохладительный напиток. **17.** Единица массы. **20.** Крупная степная птица. **24.** Государство в Европе. **27.** Одна из древнейших форм книги. **28.** Административно-территориальная единица в СССР. **29.** Исходное положение теории. **32.** Отрицательно заряженная частица. **33.** Музыкально-драматическое произведение.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

Пусть во времени искалечены,
Даже в гипсе хранят обличье.
Им бы, гипсовым, человечины,
Они вновь обретут величье.

Александр Галич

На вкладках и 3-й стороне обложки — статья Вильяма Мейланда «ГИПСОВАЯ МИФОЛОГИЯ»

5 (162) • 89 | ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются и не рецензируются.

Сдано в набор 27.03.89. Подписано к печати 10.05.89. Л21570. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 6,09. Тираж 100 000 экз. Заказ 4641. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302080000—057}{М172(03)—89}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

Недавние выборы народных депутатов СССР стали в общественной жизни нашей страны явлением необычайно ярким, непривычным. И по эмоциональному накалу, и по небывалым процедурным формам, и по осязаемым всеми нами результатам.

Поварившись в предвыборном «котле», мы все вышли из него обновленными, помолодевшими даже. Иным, взыскательным взором посмотрели на себя, на нашу жизнь, на свою роль и свои возможности в ней. Эти несколько месяцев более способствовали росту нашего сознания, гражданственности, чем многие прошедшие десятилетия с их выспренными лозунгами, стандартизованным единодушием и выборами без выбора.

Еще какие-то пять лет назад, в марте 84-го, «Правда», оценивая итоги голосования в Верховный Совет СССР, писала: «День выборов в высший орган государственной власти стал днем торжества социалистической демократии. Демократии не на словах, а реальной, действующей, работающей». И мы в большинстве не оспаривали такой оценки. Для «механических граждан» (воспользуемся горьковским термином) такое мышление было привычным. Теперь мы становимся другими, учимся анализировать, сравнивать, оценивать. Мы осваиваем науку демократического выбора.

Выборы народных депутатов СССР показали, что цели перестройки близки народу, что он за ее углубление, необратимость. Результаты голосования повсеместно говорят о том, что успех перестройки советские люди, все мы впрямую связываем с деятельностью партии, ее руководством. Партия получила убедительный мандат доверия. Ведь почти 90 процентов избранных народными депутатами — члены и кандидаты в члены КПСС (отметим, что в нынешнем Верховном Совете СССР коммунистов меньше — лишь 71,4 процента).

Это, конечно, пища для серьезных размышлений.

Но будем конкретны. Голосовали мы не за всякого, у нас появился выбор, и наличие партбилета или высокой должности перестало для кандидата быть гарантией избрания. Оценивались качества личности — политические, деловые, моральные, конкретность и боевитость программы. Доверили тем, кто сумел доказать свою приверженность перестройке, проявил подлинно бойцовский характер.

Сегодня мы извлекаем уроки, делаем выводы, и в этой непростой работе осмысления общественной жизни должны признать право на личное мнение, на неодинаковость точек зрения. Ведь избирательный марафон не закончен (на очереди — выборы съездом народных депутатов СССР Верховного Совета страны, затем — выборы в местные Советы), и поэтому анализ необходим. Демократия требует постоянного развития, совершенствования.

Печатая статью известного публициста Александра Левикова, редакция «Горизонта» исходит из того, что личное мнение автора не обязательно должно вызвать безусловную поддержку читателей. На то оно, это мнение, и личное. Но мы надеемся на продолжение разговора.

Александр Левиков

КТО ПОБЕДИЛ?

По странной прихоти судьбы наиболее памятные наши события помечены прямо-таки кабалистическим знаком — «двадцаткой»: 25 октября... 21-й год... 22 июня... Двадцатый съезд... Двадцать седьмой...

В преддверии 26 марта, а тем более после него, печать начала захлестывать волна эйфории. «Думается, все единогласны в том, что таких выборов у нас еще не было» («Правда»). «Многое было впервые, необычным, новым в нашей избирательной кампании» («Известия»). «А такого эмоционального накала не было, пожалуй, за все четыре года перестройки» («Советская культура»). «Демократия заговорила в полный голос. Похоже, люди наши обретают наконец гражданскую уверенность. Да и вся политическая атмосфера в стране как бы просветлела...» («Литературная газета»). «Впервые за всю историю страны мы получили возможность действительно выбирать...» («Огонек»)...

Итак, победила демократия? Я думаю иначе: победил к о м п р о м и с с. Его «выдвинули», за него «проголосовали» осколки «морально-политического единства», неустойчивость нынешнего общественного бытия, непреодоленный кризис доверия, национально-территориальные конфликты, противоборство перестроечных и антиперестроечных сил. Что поделаешь — живем в переходный период. Уходим от слепоты, бездумия, покорности, но еще не пришли к полному избавлению от страха, раскрепощению мысли, замусоренной мифами, подлинному выбору, внутренней свободе и гражданскому достоинству. Путь из деспотии в парламентаризм будет потяжельше пути «из варяг в греки». Ладьи наших надежд еще не раз придется перетаскивать волоком.

«Впервые» не означает совершенства. Выборы могли пройти много хуже, в прежнем духе, но могли быть и гораздо свободнее, демократичнее — прямыми, равными. А вышло нечто среднее.

Однако мы не должны огорчаться компромиссу. Реальной политики без него не бывает. Горячие головы не согласятся, но я не вижу иного способа бескровного продвижения к народовластию и политическим свободам. Взаимные уступки «верхов» и «низов», аппарата и народа благоразумны. Твердолобая бескомпромиссность в перестройке политической системы, экономики и национальных отношений опасна реставрацией диктатуры. Или сразу — в запале борьбы правительства с экстремизмом, или через «разгул демократии», анархию и разложение не успевшего опериться гражданского общества. Вслед за «разгулом», как показывает исторический опыт, являются худшие виды деспотизма. Кровь Тбилиси взывает к сдержанности и терпению.

В чем же он проявился, победивший на выборах компромисс?

АПЛОДИСМЕНТЫ В РАХМАНИНОВСКОМ ЗАЛЕ

«...День 26 марта 1989 года займет особое место в истории страны». Читая это в передовой «Правды», я думаю: как бы мы отнеслись, предположим, к группе революционеров, о которых бы утверждалось, что они свергли Временное правительство, ворвавшись в Зимний за неделю до 25 октября? Странные мысли, не правда ли? Но разве не странно, что треть наших депутатов объявлена прежде, чем наступил «исторический день»?! Их не назовешь «героями 26 марта», но их первыми горячо поздравляли, фотографировали для газет и журналов, коллеги аплодировали им и вручали цветы.

Аплодисменты, к примеру, в Рахманиновском зале столичной консерватории были не только приветствием известной певице, ставшей депутатом от Всесоюзного музыкального общества, но и «признательностью ей за плодотворную деятельность на посту председателя этого общества». Депутатом от Всесоюзного общества книголюбов стал штатный руководитель его аппарата — единственный кандидат. Космонавт, дважды Герой, без особых хлопот стал депутатом от возглавляемого им Общества филателистов, а вот его товарищу по отряду, тоже космонавту и дважды Герою, в Гагаринском (!) округе столицы пришлось испытать горечь поражения в соперничестве с одиннадцатью другими кандидатами, хотя тысячи сторонников проголосовали за него.

Позвонила знакомая: «Хотим создать Союз урбанистов. Не знаете ли, как это оформляется?» Припозднились... А некоторые подсуетились вовремя. В печати разразился скандал: Академия педнаук провела выборы совместно с некоей мифической Ассоциацией педагогов-исследователей, «организатор которой Л. Рубинский объявил себя полководцем стотысячной армии, а реально в его отряде всего-то 250 человек». И выбрали депутатов, представьте себе!

Где-то, как в Союзе журналистов СССР, явное предпочтение отдали начальству, главным редакторам... Где-то, не без задней мысли, выдвинули столько кандидатов, сколько было мандатов... Где-то вроде бы шла острейшая борьба... Да всё едино: набрать 150—300—600 голосов участников пленумов (а пленумы-то, вспомним, когда и как формировались?!) — не то же самое, что убедить десятки и сотни тысяч, миллионы людей. Ловко нам это говорить или неловко, а давайте все же признáем: из стен общественных организаций депутаты вышли особенные — льготные. Кто возьмется доказать, что это справедливо? Лишь выборы в Академии наук стали обнадеживающим исключением — лидеры перестройки прошли со второго захода и отнюдь не по «вине» руководства.

Когда в темпе галопа обсуждался и принимался Верховным Советом новый избирательный закон, раздавались и трезвые голоса о его несовершенстве. Но они утонули в хорошо организованных телерадиопресскомментариях, выражавших официальную точку зрения. Требование провести референдум функционеры и услужливые юристы похоронили под предлогом «недопустимости затягивать перестройку». Теперь хотят нас убедить, что избранные от книголюбов, композиторов, дизайнеров, борцов за мир, досаафовцев и прочая будут на съезде представлять интересы «широких общественных движений», а посланцы профсоюзов, скажем, миллионы трудящихся. Хотите верьте, хотите нет. Но почему я должен верить, если знаю, что те, кто их выбирал в депутаты, профсоюзные руководители и профсоюзные активисты, годами закрывали и закрывают глаза на грубейшие нарушения трудового законодательства (сверхурочные, работу по выходным, посылку инженеров на уборку картошки, расчистку строительного мусора, переборку гнилья на базах — все это санкционируется у нас профсоюзами)?! Если дела с охраной труда и здоровья у нас хуже некуда?! Если оплаты по труду не было и нет?!.

Ни в каких общественных организациях и творческих союзах, заметьте, руководство не оказалось за бортом, начальство везде прошло в депутаты. И будь у нас, допустим, «выборы от Советов», «выборы от армии», то наверняка получили бы мандаты и мэры многих крупных городов, и генералы, забаллотированные в своих округах.

Мы толкуем о высокопоставленных руководителях в Москве, Ленинграде, Киеве, Перми и других центрах, гадаем, почему избиратели отказали им в доверии. Но ведь и многие депутаты от общественных организаций могли бы не стать таковыми в равном соперничестве на выборах. Отношу это и к ста кандидатам на сто депутатских мандатов от КПСС. Кто-то бы прошел, а кто-то и нет...

Утверждают, что в общественных организациях была борьба, что с мест поступали заявки на сотни и сотни кандидатов и лишь по мере продвижения наверх они отсеивались, пока все лишние не отпали на пленумах. Приходилось читать о кипучей предвыборной активности низовых звеньев этих организаций. Может быть, может быть... Но вот я лично состою в пяти: в партии, профсоюзе, союзах писателей и журналистов, Обществе книголюбов — и ни разу никто, нигде не спрашивал меня о кандидатах, избранных как будто бы и от моего имени. И среди своих знакомых — у меня их тьма! — не встречал «рядовых солдат», которых бы спрашивали. И их знакомых, как они рассказывают, тоже не подпускали близко. А члены пленумов... Да сколько же их? Ложка воды может говорить от имени моря — все капли одинаковы, но о том, что одинаковы все писатели или члены профсоюза, может думать только сумасшедший. Однако весьма несовершенный избирательный закон придумали и провели в жизнь вполне разумные люди.

Гарантия прохождения в депутаты для определенного круга обладателей реальной власти — вот суть не высказанного вслух компромисса. Это вполне устроило и «держателей контрольного пакета акций» в

творческих союзах, обществах и ассоциациях. Они тоже получили свою долю депутатского пирога. Немало получили и мы, все остальные: альтернативные выборы в округах. Те самые, что вызвали эмоциональный взрыв, создали небывалую ситуацию и ощущение торжества демократии. Не будь такой гарантии, я убежден, не было бы и опьянения свободой 26 марта! Давно ли самые кровавые и самые застойные не боялись вписывать свои имена в бюллетени для «тайного» голосования, уверенные в надежности «монолитного блока коммунистов и беспартийных»? Но совсем другое — истинно тайные выборы из нескольких кандидатов. Тут уж никто не может предсказать... И возник компромисс. Прогноз авторов нынешнего избирательного закона оказался точным: ради острого ощущения борьбы на избирательных участках мы, пороптав слегка, сделаем уступку, проявим снисходительность к тем, кто войдет на съезд, скажем так, «со служебного входа».

По телевидению все видели, как голосовал М. С. Горбачев. Михаил Сергеевич спросил: «Паспорт предъявлять?» Дежурный смутился: «Нет, нет, что вы, не надо!» Мне, телезрителю, было интересно смотреть, как голосует глава государства. Еще интереснее другое: он голосовал дважды: раньше — на Пленуме ЦК партии. А некоторые из моих знакомых по три раза голосовали, будучи участниками пленумов ряда творческих союзов. Мелочь? И это мелочь: одни становились сразу кандидатами в депутаты, а другие лишь кандидатами в кандидаты, поскольку им предстояло еще пролезть в игольное ушко окружных избирательных собраний?

Я критикую действующий избирательный закон, не вижу демократизма в непрямых и многоступенчатых выборах, отношусь с большим сомнением к «общественным» депутатским мандатам. Но свершившийся компромисс я тем не менее приветствую. Почему? Тут нет противоречия. Лучше шаг вперед, чем бег на месте. И если сохранять трезвость в оценке соотношения сил, то надо признать, что и будущие выборы могут у нас пройти без опасных потрясений, лишь на основе взаимных уступок, компромисса. Правда, его условия надо уточнить.

С позиций отвоеванной демократии можно продвигаться в сторону народовластия дальше.

Пусть останутся и впредь депутаты от общественных организаций, раз без них в переходный период не обойтись. Но при чем здесь избрание на пленумах? Давайте откажемся от этого! Пусть депутаты, совершенствуя избирательный закон, обсудят предложение о всеобщих выборах в общественных организациях. Почему они не могут быть? Технические трудности? Вот уж во что не надо верить. Сколько бы ни было членов в партии или в комсомоле, все равно не больше, чем все взрослое население страны. Отчего же для населения можно устраивать выборы от моря до моря, и на кораблях, и за границей, а партия, допустим, не смогла бы провести свое голосование? Не говорю уже о творческих союзах — этим-то что мешает? Когда надо членские взносы с нас собирать, каким-то образом исхитряются «охватить всех», а голоса не смогут собрать?

Вряд ли теперь, ощутив вкус меда, функционеры общественных организаций согласятся на подобную реформу. Общественники, конечно, у нас большие демократы, но их собственные высшие чиновники предпочитают какую-то подстраховку. Тут слово за депутатами, если они и впрямь хотят соответствовать своим предвыборным платформам.

Кстати, я хочу внести и такое предложение, по существу — тест: пусть тех, кто избран от национально-территориальных округов, депутаты пошлют в Верховный Совет непременно в первую очередь. Вижу в этом их гражданский и нравственный долг, особенно депутатов от общественных организаций. При всем нашем уважении к посланцам любителей книги, музыки, филателии, художников, писателей и так далее, при всем формальном равенстве народных депутатов совесть должна проголосовать за выдвижение в парламент тех, кто свой мандат получил от миллионных масс народа. Скажу прямо: лично я как избиратель буду весьма разочарован, если депутаты этого не сделают.

Компромисс должен быть честным! Кстати, он проявился и в других вещах, связанных с избирательным марафоном.

СВОИХ — ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Я внимательно прочитал «Московскую правду» от воскресенья до воскресенья в неделю, предшествовавшую 26 марта. Газета дала большую публикацию с портретом, посвященную председателю Мосгорисполкома, два письма в поддержку секретаря МГК КПСС, подробные рассказы о нескольких директорах... Но задумаемся вот о чем: из 47 кандидатов, о которых газета писала в эту решающую неделю, поместив их фото, изложение программ, напечатав беседы с ними, очерки о них, давая им оценки в редакционной почте, депутатами с первого захода стали лишь пятеро, еще четверо — в результате переголосования. 9 из 47! Похоже, избиратели действовали от противного: хвалит газета — вычеркивай, ругают — голосуй «за».

Поражение потерпели не только десятки поддержанных редакцией кандидатов, но в некотором роде и сама газета, не выдержавшая соперничества с лавиной, простите за каламбур, «неформальной информации». Тучи листовок, плакатов, призывов, будто саранча, приклеились к дверям и стенам станций метро, магазинов, жилых домов, оккупировали павильоны автобусных остановок. Совершенно новое для нас проявление общественного темперамента. И эта «штука» оказалась «посильнее, чем «Фауст» Гёте»...

Официальных агитаторов, которые в прошлом спозаранку вытаскивали нас из кроватей, как ветром сдуло. Но будто из-под земли возник-

ли напористые, а порой и нахрапистые команды, во имя своих избранников не останавливавшиеся ни перед чем. Срывали плакаты соперников, залепляли их грязью, замазывали малярными кистями, вырезали глаза на фотографиях «чужих» кандидатов. Сторонники одного директора пытались упрятать его предвыборный плакат за стекло витрины — витрину разбили...

Окрестности станции метро «Юго-Западная» потрясали турниры агитпоэтов: «Пораскинь мозгами хорошенько и проголосуй за Черниченко».— «Если у тебя мозги не каша, ты поймешь, что лучше Ашин».— «Думай, просится само: Ашин — кто? Он из МГИМО! Вычеркивай кандидата института блата!» — «Ашин бюрократам страшен. А Брежневу и Черненко был угоден Черниченко».— «Товарищ, нечего пялить зенки: иди и голосуй за Черниченко» и т. д., и т. п., и, как говорится, смотри на обороте.

Оба кандидата выступали за перестройку, демократию, против засилья всевластных функционеров. По-хорошему — им бы объединиться, а не сталкиваться лбами. Но место одно, и стоящие за их спиной команды руководствовались простой установкой: любой ценой — своего!

Плакатная война по всей Москве игнорировала спор идей, соперничество платформ. Эти «глупости» уже никого не интересовали. Да и платформы, за редким исключением, походили одна на другую как близнецы. Все клялись служить перестройке, биться за правовое государство и социальную справедливость, громили бюрократию и обещали, обещали, обещали: больным — здоровье, нуждающимся — жилье, бедным — денежные прибавки, городу — чистый воздух и свежую воду... Отдающие прожектерством, немало рассчитанные на публику, личные эти платформы были похожи и у тех, кого поддерживали самые радикальные «неформалы», и у тех, кого листовки клеймили как антиперестройщиков, аппаратчиков и технократов. В воздухе висело: «Из чьих он?», «Из каких?», «Наш, не наш?». А что там обещает — неважно. Возможно, я утрирую, но лишь слегка.

Все эти личные платформы — тоже следствие не объявленного вслух компромисса. Индивидуально разрешалось провозглашать что угодно, самые р-р-революционные программы. Но эта возможность как бы обменена была на невозможность платформ с коллективными требованиями. Пожалуй, лишь Прибалтика представляла собой некоторое исключение. А в Москве даже депутаты официальных общественных организаций и творческих союзов не выступили со своими объединенными платформами. Разве депутаты от Союза журналистов написали на своем щите: «Гарантировать свободу печати!»? Разве перечень социальных гарантий (прожиточный минимум, право трудящихся на защиту своих интересов, включая забастовки) был на депутатском знамени посланцев профсоюзов? Только КПСС опубликовала общий наказ своим избранникам...

Когда на политической арене действует одна партия, гипертрофируется сама идеология «однопартийности» и власть предержащим начинает казаться, что никакие другие общественные движения, а тем паче «неуставные», не вправе вырабатывать и публиковать свои программы, выставлять предвыборные лозунги, своих кандидатов. Все это рассматривается как опасный «экстремизм», подлежащий искоренению. На самом деле происходит обратное: огонь, придавленный каблуком, лишь расползается вширь... Если бы группы кандидатов объединяли платформы, выступая под флагом общественных движений, дело демократии только выиграло бы. Но пугает тень «многопартийности»...

Зато, согласно этому компромиссу, допускается «бескомпромиссная личная борьба». Именно логика личной борьбы толкала иных кандидатов на отнюдь не благовидные поступки. В некоторых городах влиятельные лица устраивали распродажу дефицита в местах своих встреч с избирателями. А «инициативные группы» не останавливались и перед прямой фальсификацией биографий оппонентов.

Радоваться необычной раскованности? От знакомого литератора я услышал: «Пусть поносят друг друга. Борьба лучше сна». Однако после пробуждения неплохо бы и умыться...

ПОЛУПРАВДА, ПОЛУГЛАСНОСТЬ

Один из важных уроков выборов — недоверие к официозному мнению, в том числе и выраженному в печати. История с Б. Н. Ельциным в этом смысле особенно поучительна.

Чем больше «разоблачали» его «Московская правда» и «Вечерка», тем больше люди сплачивались вокруг этого имени. Связали вместе новые и прежние нападки на него номенклатуры, а тут еще стало известно — шила в мешке не утаишь,— что по районам проводятся «антиельциновские» партактивы. И пошло-поехало: демонстрации, митинги, листовки по всей Москве: «Ельцина! Ельцина!» Стыдно, но растерянность аппарата сразу же сказалась на средствах массовой информации, которые снизили уровень гласности до отметки «не выше сапога».

Отчет ТАСС о митинге 25 марта в Лужниках, напечатанный несколькими газетами, представляет собой классический образчик фальсификаторской полуправды. Сообщен сам факт, названы фамилии некоторых выступавших. Можно понять, что говорили они «за жизнь»: о перестройке, демократизации. Все соответствует действительности. Верно и то, что «поэт Евгений Евтушенко с присущей ему страстностью говорил об укреплении политики гласности — гарантии против повторения ошибок и преступлений прошлого». Да, так. Но вот о чем ТАСС с присущей ему бесстрастностью умолчал: многотысячный митинг целиком был посвящен поддержке Б. Н. Ельцина. Я присутствовал, свидетельствую: лес рук был поднят за него (митинг принял резолюцию при

одном голосе против) перед фото- и кинообъективами советских и зарубежных корреспондентов. Но честного репортажа об этом событии в нашей прессе и по телевидению так и не появилось, а ТАСС сообщил, вопреки правде, что «часть выступлений была посвящена» кандидату в депутаты Б. Н. Ельцину... Можно ли, так извращая суть события, в том же самом отчете лицемерно ратовать за гласность, «гарантирующую от ошибок и преступлений»? Тот, кто на самом деле не хочет повторения прошлого, для кого гласность не сводится к «чего изволите?», не станет утаивать правду в ответственный период истории Отечества.

Трудно не согласиться с передовой «Правды»: «Сегодня нам есть над чем основательно подумать. Почему, скажем, серьезная поддержка кандидата в депутаты партийным комитетом оборачивалась в ряде мест недобором голосов? Почему нежелание опять же партийного комитета видеть в числе депутатов человека, которому аппарат не симпатизирует, вдруг оборачивалось мощной поддержкой людей (пример с Б. Н. Ельциным)? Почему не были избраны депутатами некоторые первые секретари обкомов партии, хотя на последнем этапе избирательной кампании у них уже не было соперников, их фамилии в бюллетенях были единственными?.. Таких вопросов много. Над ними надо думать...»

Думай не думай, а лучше не скажешь, чем в заголовке той же правдинской передовой: «Народ сделал выбор». Народ отвергает тех, для кого он — лишь «безликая масса», от имени которой можно властвовать, прикрываясь которой привыкли жить безбедно, безнаказанно. Народ отвергает аппаратный деготь, который бюрократы пытаются залить вместо горючего в двигатели перестройки. Народ проголосовал за демократию и гласность, против командно-административного зажима. Эти критерии лежали в основе большинства предпочтений.

Однако и здесь не будем обольщаться. При нынешней избирательной культуре, весьма далекой от цивилизованности, при ловких способах процеживания неугодных, при разобщенности кандидатов, при казенно-формализованных «теледебатах» — «при всем при том, при всем при том, при всем при том, при этом» — не так-то просто угадать, кто из кандидатов — личность, а кто — «имитатор». Среди отсеявшихся было немало достойнейших, а среди прошедших — случайных. Когда кричат: «Он был женат на такой-то, вычеркивай его!» — то даже истинный демократ, смелый и компетентный юрист может оказаться за бортом. Кто нам гарантирует, что среди множества депутатов нет карьериста, сумевшего мимикрировать под «прораба перестройки»?

Я упомянул о казенности «теледебатов». Ну в самом деле, бесстрастный (да еще очень старающийся быть бесстрастным) комментатор зачитывает вопросы неизвестных. Кандидаты отвечают в ритме блица. Как ответил, так и сойдет — ни уточнить, ни переспросить, ни оспорить. Дальше, дальше, благодарю вас — конец! А что же знаменитая Концертная студия в Останкине — на ремонт закрылась во время выборов?

Или не нашлось другой большой аудитории в Москве (для «веселых и находчивых» находили!), где сторонники и противники, представители разных избирательных команд могли бы встретиться перед телекамерами вместе со своими кандидатами и «выяснить отношения»? Тогда бы не было нужды известным общественным деятелям обращаться в газету с письмом «Демократия и клевета несовместимы», защищая одного из кандидатов от анонимной листовки, изобразившей его «героем застоя». Уж кто-кто, а телевидение умеет «потрошить» тех, на кого нацеливается своим объективом, достаточно вспомнить некоторые наши популярные программы. Но похоже, выборы и ТВ, и всю отечественную прессу застали врасплох. Конечно, что-то снимали, показывали, кого-то интервьюировали... Мельтешили много, но подлинные знакомства с кандидатами так и не состоялись.

Хваленая гласность пускала пузыри, а выборные страсти клокотали на улице, не только на больших митингах, но и на микродиспутах, стихийно возникавших на поле битвы плакатов, авторы которых не всегда отличали выборы от КВН.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Финиш избирательного марафона обещает новые непредсказуемые старты. Гадать бесполезно, но все же рискну набросать общие черты возможных событий.

Феномен 26 марта, конечно, скажется на выборах республиканских, и особенно местных. А ведь там, в местных Советах, от избирателей во многом будет зависеть судьба «совмещенной должности» — первого лица района, города, области. Многие были озадачены после XIX Всесоюзной партконференции: «Секретарь обкома и председатель облсовета в одном лице? Да ведь это страшная концентрация власти!» Многие, и я в том числе, не сомневались: выберут угодного аппарату. Но теперь я бы не рискнул так утверждать. Вполне может быть, что угодного аппарату как раз и не выберут! Опыт есть. Прологом каких событий может стать наш новый «исторический день»?

И тут я опять хочу вспомнить о пользе компромисса, целительном его свойстве для возбужденного общества.

Будет трагично, если, обрадовавшись, начнем гнать лошадей, вместо того чтобы шаг за шагом, постепенно и осмотрительно продвигаться к народовластию и законности. Благославляю взаимные уступки «сил сдерживания» и «сил нетерпения». Пусть они воплощаются в корректно-парламентские формы борьбы за решение выстраданных народом проблем.

И пусть те, кто на улицах и площадях будет ждать от депутатов поступков, не дадут повода некоему новоявленному «матросу» провозгласить со сцены нашего депутатского собрания: «Караул устал. Прошу очистить помещение».

Олег Михеев

КТО РАЗРУШИТ «КИТАЙСКУЮ СТЕНУ»?

Трудно, противоречиво идет экономическая реформа. Не видно осязаемых результатов. Дефицит и рост цен мучают потребителей, качество изделий далеко от лучших зарубежных образцов. В чем причины, что тормозит экономику?

Ответ на эти беспокоящие всех вопросы часто пытаются найти у ученых, людей кабинетных и далеких от повседневной «кухни» экономики. Думаем, не мешает поискать их и в трудовых коллективах, на предприятиях. В первую очередь тех, которые идут впереди остальных, глубже проникли в «сопротивление материала», острее ощущают давление административной системы, обрели больше опыта в преодолении отжившего, всего, что замедляет движение. Среди них — коллектив балашихинского НПО «Криогенмаш».

Сначала информация для размышления. Сегодня наша страна не закупает криогенного оборудования, хотя оно необходимо практически всем отраслям народного хозяйства. Просто в этом нет нужды: все заявки удовлетворяются полностью и в срок. Отечественные изделия (а большинство их выпускается в Балашихе) не уступают по технико-экономическому уровню лучшим мировым образцам или превосходят их. Лицензии на некоторые виды оборудования закуплены Италией, США, ФРГ и Японией. Только за последние два года экспорт криогенной техники в целом по научно-производственному центру (в НПЦ входят, с учетом балашихинского, пять НПО, включающие четыре института и восемь машиностроительных заводов) вырос на 20%.

Мало какое машиностроительное объединение в стране знает такие темпы ускорения. За последние восемь лет сроки создания сложных криогенных систем и установок сокращены в 2,5 раза. Каждые три года все выпускаемое в Балашихе оборудование полностью обновляется. Для сравнения: в московском НПО «Квант», о котором много сейчас пишут и говорят как об одном из лидеров экономической перестройки, еще только ставят целью снизить этот срок до четырех лет.

Чем же берет «Криогенмаш», в чем секрет его темпов и качества?

Это научно-производственное объединение не по названию, а по сути. Ведь как бывает: организовали НПО, но ученые и производственники действуют как бы сами по себе. Конструкторы ищут, создают новое, и их мало заботит, что на заводе их творчество обернется перерасходом материалов, увеличением трудоемкости. Новая разработка передается как бы по эстафете, по этапам, последовательно. И нередко случается, что с последнего отрезка пути приходится возвращаться к старту — доделывать проект.

Почему возникают сбои при такой устаревшей поэтапной работе? Часто проект есть, но к его воплощению не подготовлена технология, снабженцы ждут конца квартала или года, чтобы заказать материалы. К тому же, как правило, новое изделие — это сплошь новые узлы. Значит, нужна новая оснастка. В общем, все новое — это повышение трудоемкости, расхода материалов, энергии. И то, что бывало выгодно ученым и конструкторам, било по экономике заводов-изготовителей.

У балашихинцев введена сквозная система планирования. За каждое новое изделие по всему циклу «исследование — проектирование — изготовление — серия» отвечает одно лицо, обычно ведущий конструктор. Властью, данной ему, он ведет работу не сверху вниз, передавая эстафетную палочку, а параллельно, на различных участках, иначе говоря — по горизонтали. Технологи начинают работу вместе с конструкторами и заранее готовят производство. Снабженцы, не дожидаясь круглых дат, заказывают то, что может потребоваться в будущем. Так в НПО решают главную задачу: максимально ускорить путь от замысла до воплощения.

Подобный подход экономит не только время, но и металл, энергию. Если изделие выпускается и в следующем году — то всегда менее металлоемкое и энергоемкое.

Труд ученых и конструкторов здесь оценивают по конечному результату, по скорости продвижения проекта, и потому они с самого начала стремятся заложить в него наиболее экономичный в производстве вариант.

Не завод приспосабливает разработки к своим возможностям, превращая журавля в синицу, как это бывает чаще всего, а они создаются под конкретное производство. Конструктор «Криогенмаша» не может позволить себе такую роскошь, как сделать полностью оригинальное изделие. Да и не всегда целесообразно проектировать новые узлы, если имеющиеся отлично работают.

Для всей криогенной техники балашихинские специалисты определили детали и узлы, которые можно использовать как типовые в разных проектах. Оказалось, что даже при изготовлении единичных экземпляров новых машин требуется всего 20% новых чертежей и оснастки. Остальное — это типовые и унифицированные узлы. Таким образом, производство даже уникальной техники стало выгодным заводу.

Как хороший архитектор из одинаковых блоков строит неповторимые по облику дома, так и конструктор из надежных, отработанных типовых деталей должен создавать оригинальные изделия. Но эта прописная истина, кстати, напрочь забыта во многих отраслях. Во всей черной металлургии не найдешь двух одинаковых мостовых кранов, деталь от «Москвича» не годится для «Жигуленка», тракторы и грузовики одного и того же назначения, но разных заводов содержат разную начинку. Оттого и растет как на дрожжах индустрия ремонта в каждой отрасли, даже на каждом крупном заводе. А это — потери металла, энергии, времени. Остается только мечтать, чтобы вся техника состояла, как на «Криогенмаше», на 80% из унифицированных деталей. Кстати, оборудование, которое выпускают в Балашихе, куда сложней, чем трактор или мостовой кран.

Сквозная система планирования работы всех подразделений и служб НПО не замыкается в пределах отведенной ему территории. Балашихинские машиностроители ведут у заказчиков шеф-монтаж, пуско-наладку, сдачу установок и обеспечивают сервисное их обслуживание вплоть до освоения проектных мощностей. Работать так гораздо ответственнее, но они к этому давно привыкли.

Таким образом, сила «Криогенмаша», главный рычаг его ускорения — в слитности, нераздельной сомкнутости науки и производства. Не надо объяснять читателю, что как раз этого-то и не хватает сегодня народному хозяйству. Коллективы многих отраслевых институтов все еще

пребывают в плену бумаготворчества, не влияют на уровень производства и продукции. Эта «диссертационная» наука — палка в колесах нашей экономики. Приверженцам ее нечего ответить на запросы производства, и потому они всеми силами отбиваются от сближения с ним. Надо чтобы на их место пришли те, кто на деле, а не на словах готов повернуть исследования к нуждам народного хозяйства.

Когда-то в ряде министерств отраслевую науку искусственно отделили от производства, и она не стала отвечать прямо за уровень выпускаемой заводами техники. НИИ и КБ, разрабатывающие новейшие изделия, имеют маломощные производства, до последнего времени они пребывали в сфере «наука и научное обслуживание». В свою очередь, заводы и объединения, как правило, не имеют научных подразделений, отнесены к сфере «производство» и озабочены наращиванием выпуска уже освоенной продукции.

Эта «китайская стена» между институтами и заводами воспроизводилась и ступенью выше. Первыми руководили технические управления министерств, вторыми — планово-экономические и производственные управления. Паллиатив под названием «планы по новой технике» — это обычно выжимки из производственного номенклатурного плана, из того, что наверняка будет сделано и так.

Опыт «Криогенмаша» подтверждает, что непрерывный процесс создания новой техники можно реализовать только в рамках единой организации — научно-производственного объединения — с единым руководством. Почему же по этому пути не спешат навстречу друг другу наука и производство во всех отраслях? Видимо, нынешнее положение устраивает как институты, так и заводы. Первым легче жить, не отвечая за уровень серийной техники, вторым, в свою очередь, легче годами гнать устаревшую продукцию. И те, и другие не несут должной экономической ответственности за отсиживание на обочине прогресса. В печати, в том числе и в нашем ежемесячнике, не раз приводились факты вопиющей бесплодности некоторых НИИ и примеры того, как заводы десятилетиями не обновляют продукцию...

Понятно, почему так медленно идет перестройка отраслевой науки. Чтобы стать на путь лидеров научно-технического прогресса, наподобие «Криогенмаша», руководителю института надо не только иметь добрый задел новейших разработок, готовых для серийного освоения, но и постоянно его пополнять. Если же НИИ работал вхолостую и таковых разработок у него нет, в условиях хозрасчета это тут же вылезет наружу. И еще. Пожалуй, главное. Такой руководитель научно-исследовательского коллектива должен взять на себя тяжкую ответственность за полное обеспечение потребностей народного хозяйства в данном виде изделий. У многих ли хватит на это смелости? И все же — другого-то пути нет. Если отсиживаться и выжидать, в старой колее ускорения не наберешь.

Создал НПО «Криогенмаш» в 1972 году известный ученый и производственник, пламенный энтузиаст научно-технического прогресса Виктор Петрович Беляков. Пользуясь своими высокими званиями (член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат самых высоких премий), он, как мог, ломал эту «китайскую стену» между учеными и производственниками. На базе института и завода, которые сразу после войны заложил в Балашихе еще сам П. Л. Капица, он и его единомышленники создали комплекс с одним руководителем, одним банковским счетом и едиными общественными организациями. Наука, институт в первую голову, стала отвечать за разработку и выпуск самого высокоэффективного оборудования.

Казалось, форма, структура найдены. Остается лишь наполнить их новым экономическим содержанием. Но... пробить чиновничью круговую оборону на подступах к противозатратному механизму не удалось. Единую работу НПО раскладывали на две полки: институту утверждали план из сферы «наука и научное обслуживание», заводу — из сферы «производство». Оценивали работу коллектива все так же по объемным показателям. Выпускал он самую современную технику или тиражировал давно освоенную — план этой разницы не учитывал. Получалось, чем активнее работали балашихинские ученые и конструкторы, чем совершеннее и дешевле становились их изделия, тем больше били коллектив по карману. Каждый год объединение теряло на этом миллионы рублей прибыли.

Переход на полный хозрасчет и самофинансирование (кстати, как и все предприятия отрасли, «Криогенмаш» перешел на новые условия на год раньше других машиностроительных объединений) помог радикально решить некоторые запущенные проблемы, но и поставил ряд новых.

Так, балашихинцы добились перелома в жилищном строительстве. Если прежде здесь вводили в среднем 45 квартир в год, то теперь — около 350. Расходы на строительство жилья выросли в 8 раз! По мнению В. Е. Курташина, ставшего после смерти В. П. Белякова генеральным директором НПО, поставленная цель — покончить к 1995 году с очередью на жилье — реальна и будет обязательно достигнута. Курташин, кстати, избран народным депутатом СССР от советских профсоюзов и считает выполнение этой социальной программы своим главным депутатским наказом от избирателей.

Но в целом бастион административной системы как был, так и остался неприступной пока твердыней. Я уже говорил, что по научно-производственному центру экспорт за два года вырос на 20%. Казалось бы, как и положено, половина валюты должна оставаться у заработавших ее коллективов, дабы они могли потратить ее на развитие своих предприятий. Но не тут-то было: из 15 миллионов рублей валюты соцстран машиностроителям милостиво оставили 5 миллионов, а 5 миллионов конвертируемой валюты, которая законно была положена объединению, изъяли почти полностью, оставив только на командировки.

Вскоре после XXVII съезда балашихинцы добились разрешения директивных органов создать уже союзное НПО — «Криотехнику», в котором функции головного возлагались на балашихинское объединение. Ни одного нового управленца не прибавилось, а на руководителей «Криогенмаша» легла вся тяжесть ответственности перед министерством и правительством за выполнение планов предприятий, включенных в его состав. Три года с тех пор существует и успешно работает это сообщество-подотрасль, проводя единую техническую политику и выдерживая общую методологию. Это помогает «вдохнуть» силу и опыт балашихинского объединения во всех партнеров по подотрасли. При этом подчеркнем: большинство изделий разрабатывается на конкурсных началах.

Казалось бы, спасибо надо сказать балашихинцам, взвалившим на себя этот нелегкий груз, и дать возможность нести его без риска сломать шею. Может быть, кто-то и поблагодарил, а вот что-либо дать... Все эти три года нет ни Устава этого формирования, ни Положения о нем, ни расчетного счета. То есть для спроса за план оно есть, а вот как юридическое и финансовое лицо как бы и не существует вовсе!

Меняются только вывески и названия. После Всесоюзного НПО «Криотехника» нарекли это формирование Государственным производственным объединением. Через месяц отменили — назвали научно-производственным центром. Хороша игра по-министерски, не правда ли? Солидные Госплан и Госкомтруд СССР не раз проводили в Балашихе всесоюзные семинары для изучения передового опыта ускоренного создания новейшей техники, но палец о палец не ударили, чтобы узаконить, наконец, то, что давно живет и действует. Позиция руководства и экономистов Минхиммаша ясна, как пробка, которой надо затыкать дыры в собственном корабле. Бесправие НПЦ позволяет министерству без всяких околичностей отбирать у него ежегодно 18—20 миллионов рублей прибыли и подкармливать ими другие подотрасли, не блещущие достижениями.

А эти отчисления — единственное, что могло бы руководство НПЦ, не обкрадывая коллектив в Балашихе, направлять на развитие запущенных предприятий подотрасли в других регионах страны. Дело в том, что хотя Курташин и избран генеральным директором на общем совете директоров предприятий, добровольно вошедших в состав НПЦ, он не может заставить их выделить какие-то средства для развития предприятия-партнера по коалиции: каждое из них суверенно и защищено Законом о предприятии. Вот и крутись в этой административной ловушке как хочешь.

Что-то они, конечно, делают. За год вытащили из хронического отставания Барнаульский завод геологоразведочного оборудования, начали поднимать на ноги фактически развалившийся Крупинский арматурный завод в Московской области. НПЦ покрыл все долги перед планом и бюджетом за Кироваканский завод криогенного машиностроения, который в прошлом году терзали забастовки, а под конец, 7 декабря, накрыло землетрясением. Партнеры по НПЦ тут же перечислили пострадавшему собрату 700 тысяч рублей, быстро отправили людей, технику. (Для сравнения: помощь Минхиммаша своему разрушенному заводу составила 200 тысяч.)

Административная система слепа, потому что ей проще и выгоднее не вглядываться в мозаику экономической жизни. Решено было с начала 1988 года все научные учреждения перевести на самофинансирование. Не мудрствуя лукаво, махнули чохом по всем головам одним гребнем. Многим поправили прическу, а кое-кому заодно и голову снесли. Как-то не учли впопыхах, что в стране уже существуют научно-технические комплексы, ушедшие далеко вперед, к которым лучше семь раз приглядеться, чтобы не сломать невзначай, не погубить новорожденной коротконогой инструкцией.

Невзначай все-таки сломали. Были у завода и института в Балашихе единые нормативы отчисления от прибыли, трудились они «на одном дыхании». Научная продукция в последние годы была уже растворена в промышленной, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы входили в цену готовых изделий. Словом, институт так славно самофинансировался, что и завод с ним в сцепке мчался, поспевая за всем передовым технологическим миром, а часто и опережая его.

А тут невпопад лязгнула административная стрелка, спутав крейсерский с почтовым, и... покатились институт и завод по разным рельсам. Был один счет в банке — стало два, была одна продукция — стало две и т. д. Вопли пассажиров, от которых убежал локомотив, до ушей высокого начальства не доносятся. Тут и 20 километров до парадных московских подъездов растягиваются до масштабов БАМа. Пока дер-

ГИПСОВАЯ МИФОЛОГИЯ

Мой знакомый художник придумал новое слово — «псевдёж». Вернее, он его не придумал, а последовательно вывел из окружавшей нас много лет «потемкинской» реальности. Разве могучие женщины со снопами пшеницы и не менее могучие рабочие, воины, спортсмены, а равно и всякая сельская живность, откормленная скульпторами до пугающе громадных размеров и решительно изваянная в разных материалах, это все не хроническая показуха и псевдёж? В Москве, правда, девушек с веслом или быков, увешанных гирляндами триумфальных цветов, в последние годы поубыло. Каменных и бетонных суперменов обоего пола можно увидеть разве что на бастионах высотных зданий 40-х — 50-х годов. Но там они слишком вознесены и удалены от наших глаз и кажутся чуть ли не уместными, то есть соответствующими эстетике этого своеобразного «ампира во время чумы».

Носом к носу мы встречаемся с бронзовой разновидностью упомянутых титанов в вестибюле станции метрополитена «Площадь Революции», где дети из поколения в поколение продолжают теребить ствол пистолета, который опустил могучий матрос. Там же шумят и бурно фотографируют нашу бодрую метропластику стайки иностранцев. Их отношение понятно, экзотика есть экзотика. Где еще встретишь такой разлив лепнины в

мраморном и гранитном обрамлении! Основной же бетонно-гипсовый контингент по сей день живет и даже иногда размножается в милой нашему сердцу провинции. Там он, кстати сказать, далеко не всегда пугает и раздражает, а вызывает порой щемящее ностальгическое чувство. Для некоторых советских художников, в искусствоведческом просторечии именуемых «семидесятниками», этот облупленный или толсто закрашенный серебряной и золотой краской народец стал чуть ли не предметом вдохновений. Достаточно вспомнить, например, картины Натальи Нестеровой или Аркадия Петрова.

Если же не отклоняться в пространство преобразующего мир искусства и вернуться в реальное пространство нашего отечественного житья-бытья, то можно будет вывести определенную закономерность. Бодро-призывное садово-парковое ваяние и приукрашивание всех прочих мест общественного пользования — это точный знак времени, когда по верховному объявлению «жить стало лучше, жить стало веселее» или когда всех вдруг охватило опять же спущенное сверху «чувство глубокого внутреннего удовлетворения». Именно в эти, сначала сталинские, а затем брежневские 30- и 20-летия плодовитые, как кролики, «комбинатские худомастера» осчастливливали нас своим мускулистым искусством. Самое же печальное, что подобная

Продолжение на вкладке 2

жится сила «Криогенмаша» на сознательности нынешних руководителей завода и института да на том, что действуют единые общественные организации. Надолго ли хватит этих не экономических, а человеческих связей? Не до первой ли смены руководителей?

Как могли, балашихинцы стучались в эти подъезды. Предлагали свои варианты расчетов, пусть других, но опять же единых для института и завода нормативов, без потери для государственного бюджета. Минхиммаш их не принял и рванул по живому. В результате госбюджет ежегодно теряет по 3 миллиона, а «Криогенмаш» поставлен на грань невыполнения плана.

Если понадобится составить тайное пособие для заклятого врага научно-технического прогресса в нашем машиностроении, желающего отгородить его «китайской стеной» от мирового рынка, то примеры можно будет взять из трудной биографии балашихинского объединения.

Впрочем, все эти неприятности не парализовали воли коллектива. Люди здесь толковые, наблюдательные и привыкли смотреть далеко вперед. Заметили, что попытки некоторых сильных коллективов сойти с министерского поводка на вольный экономический простор были вдруг поддержаны на самом высоком уровне. Появились концерны или межотраслевые государственные объединения: «Электромаш» в Ленинграде, «Квантэмп» в Москве, собравшие под свой флаг на добровольной основе, без потери юридической и финансовой самостоятельности предприятия, которые охватывают полный цикл создания принципиально новой продукции, от фундаментальных исследований вплоть до фирменного обслуживания своих изделий у потребителя. Учли криогенмашевцы и то, как умные руководители сумели найти поддержку «наверху»: с инициативой они выходили прямо на директивные органы при поддержке обкома или горкома партии, минуя родные министерства.

Так возникла идея межотраслевого государственного научно-производственного объединения «Криогеника», поддержанная Московским обкомом партии. В него пожелали войти, кроме машиностроительных объединений нынешнего НПЦ, Физико-технический институт низких температур Академии наук Украины, проектный институт Гипрокислород и 17 региональных кислородных заводов Минхимпрома СССР, трест Союзкислородмонтаж Минмонтажспецстроя СССР. Все вместе они и способны охватить полный цикл не только создания криогенного оборудования, но и его эксплуатации.

Подобным образом работают ведущие западные фирмы, выгодно продавая криопродукты, а не «пережевывая» только железо для изготовления оборудования, на чем больших барышей не получишь. Так, между прочим, организовал в годы войны и П. Л. Капица свой знаменитый «Главкислород» при Совнаркоме СССР. В нем он объединил без всяких ведомственных перегородок научные и технические силы, и за три года этот главк обеспечил кислородом оборонные отрасли, за полтора года создал принципиально новую воздухоразделительную установку, аналог которой за рубежом появился лишь спустя двадцать лет.

С точки зрения интересов народного хозяйства, важно сократить не столько машиностроительный цикл создания новой техники (хотя и этого дай бог добиться всем нашим машиностроителям), сколько весь цикл поставки самой продукции — жидкого кислорода, азота, гелия и т. д., и получать ее с наименьшими затратами. Вполне возможно, что для этого окажется разумнее не строить где-то установку, а организо-

вать доставку на место самого продукта, для выработки которого она предназначалась. Американцы, как известно, умеют считать деньги. Так вот, многие фирмы-потребители жидких газов предпочитают не городить собственных дорогостоящих установок, а получать эти газы у поставщиков. Гелий возят из Европы даже «боингами»: дешевле обходится.

Консорциум криогенщиков поможет им, как они надеются, уйти и от жесткого госплановского давления, заставляющего накручивать объемы машиностроительной продукции. Тут уж они сами будут решать с полным знанием дела, какое оборудование, для кого и в какие сроки создавать. «Объемная» длань Госплана будет в этом случае указывать на конечную продукцию, в которой и нуждаются в действительности потребители.

Пройдя в свое время мучительную стадию создания единой научно-производственной организации, криогенмашевцы и их новые партнеры считают, что становление консорциума пройдет уже менее болезненно. Есть опыт, новая задача логически из него вытекает, да и время другое на дворе: просыпается тяга к подлинной экономической самостоятельности и у хозяйственных руководителей, и у трудовых коллективов. Все смелее они поднимают головы, обретают уверенность в себе, понимают, что пора хватать жар-птицу самоуправления в свои руки. Пусть с непривычки и обжигает она пальцы — да ведь только с ней и можно перемахнуть через чиновничьи «китайские стены».

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Александр Зайченко

ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАВЕНСТВО: ИЗБАВЛЯЯСЬ ОТ МИФОВ

Равенство всегда было центральной идеей и целью социализма. Это относилось и к экономическому равенству, предполагавшему избавление от деформирующего воздействия эксплуатации. Считалось: поскольку искажения, вносимые в систему дележа жизненных благ непрерывным присвоением буржуазией прибавочного продукта, при социализме устраняются, это само по себе, естественно, приведет к более равномерному распределению материальных благ, к распределению, основанному на принципе «от каждого по способностям — каждому по труду». Но разве не чувствуем мы все, не видим, не переживаем из-за того, что в этой области у нас явно не все в порядке?

Чем измерить социально-имущественное неравенство? Конечно, распределением личных доходов населения, как это делается в большинстве стран мира. Если брать в расчет только этот критерий, наша страна в глазах всего мира предстала бы в довольно приличном свете. Неравенство — по уровню доходов — было бы у нас гораздо ниже, чем в США и многих других странах Запада. Однако в стране, где стоимостные эквиваленты потеряли свои ценовые координаты, где зарплата отнюдь не служит мерой труда и где потребительские товары и услуги могут существовать в полном отрыве от качества реальных жизненных благ, определять имущественное неравенство, исходя только из уровня доходов, наверное, опрометчиво.

Среди устойчивых иллюзий, долгое время господствовавших в нашем общественном и личном сознании, в теории и практике социального регулирования, был миф о высокой степени равенства в потреблении материальных благ в СССР. При этом допускался такой пропагандистский смысловой выверт: да, по средним показателям уровня жизни мы значительно уступаем другим странам (правда, об этом раньше открыто не говорилось, однако подразумевалось). Что же касается равенства в насущном потреблении (питание, жилье, одежда), то здесь Советский Союз занимает лидирующее место. И с точки зрения равномерности распределения благ, мы — самое справедливое общество в мире.

Ничего, кроме горделивого пустозвонства, в этом утверждении не было и нет. Еще в начале XX века итальянский экономист Парето выявил закономерность, позже подтвержденную многочисленными статистическими наблюдениями: чем ниже уровень жизни в стране, тем выше степень неравенства в распределении материальных благ.

Однако неравенство в доходах еще не говорит опять-таки о реальной дифференциации в личном потреблении, поскольку сравнивать можно лишь сравнимое. Во-первых, по долям национального дохода, идущим на заработную плату, на личное потребление и на социальные выплаты населению, СССР уступает практически всем развитым странам мира. Во-вторых, качество товаров и массовых видов социальных услуг, которыми мы пользуемся, несопоставимо с международными стандартами. В-третьих, благодаря наличию закрытых систем распределения разница в качестве товаров и услуг для различных категорий населения очень высока. Поэтому у нас, в отличие от подавляющего большинства стран, неравенство в уровне жизни — после учета распределительных мероприятий — не уменьшается, а увеличивается.

ИСТОЧНИКИ НЕРАВЕНСТВА

Сравним, к примеру, распределение материальных благ. Так, в США уровень доходов очень незначительно влияет на реальное потребление мяса и других основных продуктов питания. И у обеспеченных и малообеспеченных американцев в годовом рационе приблизительно 100—120 кг мяса. Другое дело, какого оно качества — дешевые цыплята или дорогие бифштексы из телятины. У нас же в 1986 году в семьях из четырех человек с доходом 260 руб. в месяц мяса и мясопродуктов уходило почти в 3 раза меньше (это отнюдь не потому, что они его не любят), чем в семьях такого же состава, но с доходом 900 руб. Более того, хотя за последние 20 лет средняя обеспеченность мясом в Советском Союзе выросла, семьи с низкими доходами (менее 70 руб. в месяц) вынужденно сократили его потребление.

Впрочем, развернутая картина сопоставлений потребления в СССР и США сделана мной в статье, опубликованной журналом «США — эко-

А. С. Зайченко — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады АН СССР.

номика, политика, идеология» (1988, № 12). Ее сокращенный вариант, распространенный АПН, напечатали многие местные газеты, включая «Московскую правду» и «Вечернюю Москву». Отсылаю читателя к приведенным там данным.

Есть еще один важный аргумент против оценки неравенства по распределению денежных доходов. В большинстве современных стран общество, стремясь уменьшить неравенство, возникающее в процессе первичного распределения доходов между семьями, разработало прогрессивную систему налогов (чем больше размер дохода, тем выше налоговая ставка), ввело социальные пособия, выплаты и льготы, которые предоставляются в основном нуждающимся *.

Надо четко понять: такие выплаты и пособия — не «божий дар» и не «манна небесная», которую щедро сыплет на головы своих сограждан государство, нет, это лишь перераспределение результатов их труда, вклада в общественное производство. Это в равной степени касается и СССР и США.

В итоге по уровню потребления материальных благ неравенство во многих странах мира гораздо ниже, чем по размеру реальных денежных доходов (после вычета налогов и добавления социальных выплат), не говоря уже о первичных доходах. В этом ясно проявляется тенденция к устранению чрезмерностей деления общества на бедных и богатых, к сглаживанию остроты социальной поляризации, устранению наиболее вопиющих проявлений социальной несправедливости.

А как обстоит дело в нашей стране?

В обществе, гордящемся социальной защищенностью своих граждан, провозгласившем достижение небывалой в истории социальной справедливости и равенства в доходах, реальное неравенство в уровне жизни остается весьма значительным. По мере превращения денежных доходов (зарплаты, пенсии, стипендии) в конечное потребление товаров и услуг дифференциация не уменьшается, как в большинстве стран мира, а растет. Происходит это из-за взимания необыкновенно высоких косвенных налогов (например, налог с оборота на основные предметы насущного потребления, на покупку которых уходит большая часть бюджета малообеспеченных семей) и глубоких различий в объеме, доступности и качестве товаров и услуг, распределяемых через общую и закрытую сеть.

Неравномерность распределения благ особенно ощутима по дефициту, то есть наиболее престижным и качественным предметам потребления. А. Черняк в своей публикации в «Правде» (1988, 1 сентября) приводит цифры, свидетельствующие, что всего 0,04% населения нашей обычной области в Нечерноземье, представленных сотрудниками аппарата обкома и облисполкома и их семьями, потребляют от 56 до 100% деликатесов.

Картина не намного улучшится, если мы учтем общественные фонды потребления (ОФП), которые призваны выравнивать конечное распределение благ. Сюда входят расходы на образование, медицинские услуги, социальное обеспечение и страхование, другие льготы, получаемые населением помимо заработной платы. В середине 70-х годов по доле государственных средств в национальном доходе, идущих в ОФП, США опередили СССР, еще раньше в этой области мы отстали от большинства стран Западной Европы. Очень значительны расхождения в абсолютных размерах государственных расходов по отдельным статьям ОФП. Так, если в США на образование в 1985 году уходило 178,6 млрд долл., то в СССР (с учетом затрат на пропаганду) — 37,9 млрд руб., на здравоохранение соответственно 174,8 млрд долл. и 20 млрд руб.; на социальное обеспечение и страхование — 458,3 млрд долл. и 61,1 млрд руб. В результате в 1985 году средний размер пенсии по старости составил в СССР 87,2 руб. в месяц, в США — 479 долл., а с женой на иждивении — 814 долл. Кроме того, в США значительная часть средств на эти цели поступает еще и от частного капитала.

Мне могут возразить: но ведь из этих 814 долл. около трети уходит на оплату жилья, транспорта, других благ, которые у нас распределяются чуть ли не даром? Опять-таки из-за недостатка места для полемики, вынужден отослать интересующихся к своим статьям об уровне жизни разных слоев американского общества, опубликованным в журнале «США — экономика, политика, идеология» (1987, № 12 и 1988, № 3, 8).

Если коротко, то и после уплаты за жилье у американца остается достаточно средств для удовлетворения разнообразных потребностей, калорийного питания и многих других, недоступных нашему человеку услуг.

Попытки поднять у нас уровень жизни самых малообеспеченных слоев населения за счет повышения минимума заработной платы многими рассматриваются как стремление к «уравниловке». Это принципиально неверное утверждение. Дело в том, что и теперь, и в прошлом соответствующие меры были направлены на подъем стандартов потребления для большей части населения страны лишь до уровня физиологически необходимых норм. Это были относительно недорогие акции, призванные не столько решить проблему неравенства, сколько символизировать заботу о людях, дать повод для пропагандистских похвал в адрес всевидящей заботливой власти. Они скорее походили на «пожарные» действия, чем на продуманную социальную политику. Финансировались эти широко разрекламированные мероприятия за счет снижения реальной заработной платы среднеоплачиваемых трудящихся. Между 1970 и 1987 годами должно было — по планам — произойти повышение средней реальной заработной платы рабочих и служащих в 2 раза. А на деле? Вследствие опережающего роста потребительских цен над повышением номинальных ставок и окладов последние фактически снизились на 15%. Дополнительным подтверждением этой чисто перераспределительной акции служит сохранение доли фонда заработной платы в национальном доходе на исключительно низкой по международным и историческим меркам отметке: 36—38%.

Тут нужны некоторые пояснения. И до революции, и в 20-е годы фонд заработной платы в нашей стране более или менее соответствовал международным стандартам. Грубо говоря, от каждой сотни вновь созданного трудом продукта в карман работнику шло две трети, как и в других цивилизованных, развитых (и даже развивающихся) странах. А сейчас? За последние полвека эта доля понизилась у нас едва ли не вдвое, достигла трети... Это значит, что трудящийся человек получает меньше необходимого, если брать утвердившиеся в мире стандарты потребления. Ему недостает средств для нормального питания, отдыха, воспитания детей, культурного досуга и т. д. и т. п.

* Сейчас такое законодательство готовится и у нас в стране, проект опубликован для обсуждения.— *Ред.*

ПЕНСИИ: РАЗМЕРЫ, ВОЗМОЖНОСТИ...

Неожиданно для себя мы открыли целый комплекс проблем, касающихся положения пожилых людей в стране. После выхода на пенсию человек живет еще целую треть отпущенных ему лет. И в этот период основным, а подчас единственным источником его доходов является пенсия. Пенсионное обеспечение по старости в еще большей степени, чем трудовые доходы, характеризуется неравномерностью в распределении доходов, способствуя усилению конечного неравенства в уровне жизни между различными поколениями. Средний размер государственной пенсии (87 руб.) лишь ненамного превышает уровень минимальной оплаты (70 руб.). Для городского пенсионера такого дохода не хватает, чтобы обеспечить стандартный («средний», по мнению Госкомстата) уровень жизни для одного человека. Попробуем распределить среднюю пенсию: 50 руб.— на питание; 15 руб.— на жилье (однокомнатная квартира); 3 руб.— на транспорт; 10 руб.— на хозяйственные нужды; 10 руб.— на одежду. Расходы на лекарства, отдых, развлечения и прочие нужды должны уже выкраиваться за счет других статей бюджета.

Вместе с тем 500 тыс. персональных пенсионеров составляют социально-имущественную элиту пожилого населения СССР. Почему же элиту, спросите вы? Ведь максимум персональной пенсии союзного значения — 250 руб., республиканского — 160 руб., местного — 140 руб.? * Ну, во-первых, потому, что такие деньги сами по себе позволяют существенно оторваться от жизненного стандарта обычных пенсионеров. Во-вторых, эта категория лиц получает довольно многочисленные виды льгот, связанных с оплатой лекарств, жилой площади и коммунальных услуг, городского и железнодорожного транспорта и т. д. Персональные пенсионеры союзного и республиканского значения обеспечиваются более качественным медицинским обслуживанием, некоторые — бесплатными санаторно-курортными путевками, или же им выдается соответствующая денежная компенсация. При этом не надо забывать, что все эти льготы и пособия предоставляются по ведомственным каналам, а не из общесоюзных общественных фондов потребления с их очень низким уровнем услуг. В-третьих, вдова персонального пенсионера, в случае его смерти, имеет право на часть его пенсии, если не получает своей (или взамен ее). Наконец, эти лица могут работать, сохраняя пенсию и занимая по-прежнему престижные и высокооплачиваемые должности.

К этой группе надо еще прибавить десятки тысяч тех, кто получает военные пенсии, весьма высокие на общем уровне, и несколько десятков тысяч пенсионеров докторов наук и профессоров (160 руб.). Всего в верхнем эшелоне многомиллионного отряда лиц пенсионного возраста в 1987 году находилось около 750 тыс. человек, или 1,6% их общей численности. Из этой части одна десятая (около 0,2%) может быть отнесена к очень обеспеченным (по нашим стандартам), их личное состояние в 100—1000 раз превосходит имущество 16 млн пенсионеров по старости, получавших в 1987 году менее 60 руб. в месяц. Такой тип распределения в целом повторяет неравенство в предпенсионных возрастах.

Как же обстоит дело на другом конце пирамиды распределения, среди низкодоходных групп пожилых людей? К их числу на полном основании можно отнести лиц, чья пенсия в конце 80-х годов составляет менее 100 руб. Таковых в 1987-м было 27,8 млн человек (66,5% общего числа пенсионеров по старости). Материальная обеспеченность пенсионеров значительно хуже, чем всего населения Советского Союза в целом, из которого только 35% (100 млн человек) жили на доходы менее 100 руб. в месяц.

По мере того как цены на товары и услуги первой необходимости растут (в среднем примерно на 4—5% в год), ежегодно сотни тысяч пенсионеров опускаются ниже «черты бедности» — прожиточного минимума, который в 1986 году составлял 75 руб. в месяц. Еще более незавидно положение пенсионеров-инвалидов II и III групп. Так, пенсия инвалидов III группы по общему заболеванию, не имеющих полного трудового стажа, равняется 26 руб. в месяц. Незначительны и другие пенсии: за умершего кормильца — до 60 руб., колхозная — 40 руб.

* Средний размер «местной» пенсии в Москве составляет 109 руб.— Ред.

ГРАНИЦЫ НЕРАВЕНСТВА, ИЛИ ЕСТЬ ЛИ У НАС «СРЕДНИЙ КЛАСС»?

Можно попытаться сопоставить степень имущественного неравенства по распределению личной собственности.

Если сравнивать с США, то состояние семей оценивается там недвижимостью (дом, земля), наличием и числом товаров длительного пользования (машина, бытовая техника), ценных бумаг (акции, облигации и т. д.), банковскими вкладами. Измеренное таким образом неравенство несравненно выше дифференциации населения по уровню годовых доходов, поскольку оно отражает поляризацию в доходах, накопленную на протяжении многих лет и даже поколений. Согласно обследованию 1984 года, личная собственность средней американской семьи оценивалась в 32,7 тыс. долл. Из чего она состоит? Непосредственно на жилье приходится 40% стоимости всего имущества (две трети семей живут в собственных домах, одна треть — арендует; средняя полезная площадь на человека — 48 м^2), на сберегательные счета и разнообразные ценные бумаги — 25%. Остальное составляют машины, драгоценности и бытовая техника. В среднем американская семья владеет двумя автомобилями, свыше 200 видами различной бытовой техники.

Что касается СССР, то в 1985 году объем личного имущества семьи в среднем определялся в 7,3 тыс. руб., в том числе на транспорт приходилось 11,6%, предметы одежды, обуви — 31%, культурно-бытовые — 28,2%. Как видим, ни по объему, ни по качеству, ни по составу, ни по структуре накопленного имущества американские и советские семьи не могут быть сопоставимы. Естественно, нельзя их сравнивать и по степени неравенства в распределении накопленной собственности. Так, в США на 12% домохозяйств с собственностью 125 тыс. долл. приходилось свыше трети всего фонда личного имущества страны, а на 0,5% самых богатых американских семей — 22%. В то же время 26% семей с низкими доходами (менее 900 долл. в месяц) принадлежало менее 10% чистого богатства страны, что указывает на очень высокое неравенство, значительно большее, чем в Советском Союзе.

Однако если учесть личное, некапитализированное имущество, отвечающее современным требованиям качества, то окажется, что неравенство у нас выше. К числу обеспеченных граждан — советскому эквиваленту американского «среднего класса» можно отнести всех лиц, имеющих личные автомашины,— 13 млн человек, или 13,5% всех семей Советского Союза. Именно об этих гражданах можно сказать, что

они и по реальным стандартам потребления, и по осознанным потребностям принадлежат к обеспеченным слоям населения. Все они имеют полный комплект, состоящий из квартиры (дома), современной обстановки, машины, во многих случаях есть и второй дом (дача), то есть они обладают теми предметами, которые во всем мире считаются обязательными атрибутами «среднего класса». Ряд владельцев автомашин не входит в эту группу, поскольку не отвечают данным имущественным требованиям. Зато число тех, у кого хотя и нет личной автомашины, но есть высокие стандарты уровня жизни (пропуск в «средний класс»), значительно перекрывает количество первых.

Для сравнения укажем, что в большинстве развитых стран Запада доля «среднего класса», этой весьма социально и классово неоднородной группы, доходит до 70%, а минимум составляет 50%; в ГДР, Чехословакии, Венгрии соответственно от 50 до 40%. Феномен «среднего класса» играет исключительно важную роль в политической и экономической жизни современных стран. Эта многочисленная группа стабилизирует политическую жизнь страны, служит своеобразным гарантом демократии (и не только буржуазной), оттесняя на периферию общественной жизни различные экстремистские движения и группировки. Вместе с тем потребительские запросы среднеобеспеченных слоев во многом определяют развитие экономики, структуру и темпы ее роста, техническое обновление производства.

К сожалению, наш мизерный, условно говоря, «средний класс» — это не только свидетельство печального прошлого, когда не только политические, но и экономические права людей на материально обеспеченную жизнь, на справедливую оплату фактически не признавались. И сейчас такая нехватка обеспеченных семей (где владение автомобилем играет лишь роль символа принадлежности к этой группе) затрудняет развернуть всю хозяйственную систему лицом к реальному и полному хозрасчету, создать здоровый экономический механизм со встроенной саморегуляцией. Наконец, общественная слабость и малочисленность этой прослойки несут в себе и политическую опасность для перестройки, делая очень неустойчивым вектор политических сил в стране.

ЧТО ДОЗВОЛЕНО ЮПИТЕРУ...

К сверхобеспеченным, или, по стандартам нашей жизни, богатым, можно отнести лиц, которые не просто много имеют, а имеют то, что в принципе недоступно подавляющему большинству: власть, доступ к высококачественным товарам и услугам. Дело в том, что сама по себе зарплата, даже в 400—500 руб., не гарантирует ни значительного уровня потребления, ни пожизненного пребывания в роскоши, ни возможности передать престиж, высокий социальный и имущественный статус своему потомству.

Совсем другое дело — власть, причем не всякая, а «номенклатурная», для узкой группы руководящих чиновников и хозяйственников. Представители этой группы получают оклады в 1,5—1,7 раза выше среднего по стране уровня зарплаты (первый секретарь райкома — 350 руб. в месяц), квартиры, дачи, машины (служебные, во многих случаях и личные). Они имеют доступ к высококачественным услугам (медицинским, санаторно-лечебным, транспортным, коммунально-бытовым), которые распределяются исключительно по ведомственным каналам, а не из общесоюзных общественных фондов потребления. «Номенклатурное» лицо может не просить о льготах или услугах, но сам статус его, положение, когда большинство поставлено в зависимость от его воли, реальная власть, сосредоточенная в его руках, делают порой такие просьбы, пожелания безотказными. Кроме того, до последнего времени вхождение в «номенклатуру», по существу, гарантировало пребывание в ней практически до выхода на пенсию, а по размеру достатка — и после нее. Лишь очень серьезный неблаговидный поступок мог повлечь за собой изгнание из рядов «номенклатуры». Такой характер отбора управленческой элиты обеспечивал ее высокую послушность и преданность, но необязательно управленческую эффективность.

В категорию сверхобеспеченных входят также и вненоменклатурные представители науки (академики и члены-корреспонденты Академии наук, не имеющие высоких постов), искусства, культуры и спорта, загранработники. Их высокие доходы, гонорары, заграничные поездки компенсируют отсутствие у них спецраспределителей, хотя очень часто эти лица прикрепляются к некоторым из них.

По данным автора, всего в этой группе около 400 тыс. человек. Представителей новых богачей из числа кооператоров, индивидуалов, а также подпольных воротил учесть трудно, в основном из-за отсутствия доступной информации. Хотя несомненно, что в последние два года их представительство в данной категории резко возросло. Во всяком случае, их учет приведет к увеличению сверхобеспеченных минимум на 100 тыс. человек. Таким образом, менее 0,25% граждан нашей страны живут по стандартам, практически недоступным для остального ее населения.

И тут следует напомнить, что число миллионеров в США в настоящее время превышает 1,5 млн человек, или 0,6% населения. Эквивалентом нашей группы сверхобеспеченных выступают в США не просто миллионеры, а так называемые «собственники» — лица, личное состояние которых оценивалось в 2—10 млн долл. В середине 80-х годов они тоже составляли 0,25% всего населения США.

Конечно, сравнение этих двух групп очень условно. У себя в стране мы имеем дело с элитой, основанной на концентрации статусной и неоспоримой власти, в США — с людьми, достигшими богатства в процессе накопления капитала и, как правило, не обладающими ни политической, ни государственной властью, ни (очень часто) высоким общественным положением. Разумеется, американские «собственники» несопоставимо богаче, чем представители нашей «номенклатуры», но по власти и влиянию на общество преимущество явно за последними. Кроме того, персональная ротация среди представителей американских миллионеров довольно высокая, а среди миллиардеров еще выше: в 1986 году из 49 супербогачей всего двое сохранили титул миллиардера с 50-х годов (Д. Рокфеллер, Э. Хант). Зато наша «номенклатура» может вполне гордиться стабильностью своих рядов. Наконец, богатство богатству рознь. Подавляющая часть состояния американских богачей представлена в виде акций, облигаций, ценных бумаг. Коммерческая неудача или личное банкротство могут сразу — и в несколько раз — уменьшить такое «бумажное» богатство. (Вот в чем причина высокой нестабильности персонального состава миллионеров.) На некапитализированное имущество, заключенное в предметах и товарах, приходится лишь незначительная часть состояния американских «собственников» (10—25%). Не случайно, составляя лишь 0,25% населения, они сосредоточили в своих руках 82% совокупного капитала США, заключенного в облигациях, ценных бумагах, акциях и собственности доверительных фондов, и в то же время — всего 0,5% собственности в виде

личных домов, 0,8% — бессрочных вкладов и наличности, 2,2% — в виде товаров длительного пользования. Иными словами, по «обычному» имуществу отрыв американских миллионеров от остальной части населения своей страны был бы вполне сопоставим с неравенством между сверхобеспеченными и остальными гражданами в нашей стране.

Да и по накопленным денежным сбережениям мы не можем похвастаться большим равенством. В 1986 году средняя величина вклада составляла 1361 руб. Однако если учесть, что 7 из каждых 8 граждан нашей страны вообще не имеют вкладов, то средний размер сбережений на одного держателя составит уже около 7 тыс. руб. (в 1987 году — около 8 тыс. руб.). Кроме того, среди самих вкладчиков наблюдается очень сильное неравенство. Ведь в их числе находятся многочисленные контингенты трудящихся, которые получают зарплату и пенсию через сбербанки. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что, по данным Госкомстата, в некоторых районах страны до половины общей суммы вкладов сосредоточено на 3% сберкнижек.

Особое место в распределении населения по уровню жизни занимает довольно многочисленная категория граждан, которая по доступу к качественным товарам и услугам тяготеет к верхней группе. Сюда входят работники торговли и общественного питания, материально-технического снабжения и сбыта, заготовок, жилищно-коммунального хозяйства, непроизводственных видов бытового обслуживания населения, то есть те, кто держит руку на распределении конечных потребительских благ. Всего около 17 млн человек, или 6% населения страны. Во многих случаях источником их материального достатка служит владение дефицитом, который либо непосредственно обменивается на другие блага («серая экономика»), либо предварительно продается или воруется, а затем вновь покупается («черная экономика»). Очень часто для обогащения используются оба способа.

О том, как дефицит превращается в личные блага для контролирующих его лиц, говорят данные выборочных обследований Госкомстата: расходы торговых работников на 60% превышают их официальные доходы; в одной из республик 70% машин иностранных марок принадлежит работникам торговли и услуг и т. д. (См.: ЭКО. 1988. № 9. С. 125).

Разумеется, не все, кто занят в сфере распределения потребительских благ, достигают высоких стандартов личного потребления (машина, дача, роскошный гардероб и пр.), не все поголовно занимаются незаконной деятельностью, но практически все имеют выгоду от дефицита. По имущественному статусу эту группу можно разделить примерно следующим образом: одну десятую, или 1,7 млн человек, отнести к «богатым», две пятых, или 6,8 млн,— к среднеобеспеченным, остальных — 8,5 млн — к верхней части малообеспеченных.

«ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА»

Таким образом, окончательная конфигурация социально-имущественной пирамиды в Советском Союзе выглядит следующим образом: «богатые» — 2,3% всех семей (из них всего у 0,7% доходы и имущество имеют законные источники), среднеобеспеченные слои — 11,2% семей, причем половина из них паразитирует на дефиците, малообеспеченные — 86,5%. Такое распределение очень условно и удовлетворяет лишь одному требованию: оно соответствует критерию абсолютного уровня потребления личных благ, пусть хоть и отдаленно, но приближающегося к международным стандартам. Если принимать во внимание только личную собственность, имеющую потребительскую ценность (без капитала), то соответствующая структура в Соединенных Штатах будет выглядеть так: 3% — богатые, 17% — обеспеченные, 60% — средние и 20% — малообеспеченные. Приблизительно такая же картина наблюдается и в других развитых странах.

Если продолжить международные сопоставления, то окажется, что у нас совсем нет категории «очень обеспеченных» и, кроме того, доходы, потребление и личное состояние — по средним слоям населения — выглядят у нас гораздо скромнее. Да и уровень текущего потребления малообеспеченных американцев несравненно выше, чем наших малоимущих: многие из них имеют личные автомашины, значительную площадь арендуемого жилья, высокие стандарты потребления продуктов питания. Вместе с тем, принимая во внимание такие факторы, как объем личного имущества, стабильность социального статуса глав семей и стереотипы потребительского поведения, можно говорить о сопоставимости таких распределений по СССР и США.

Подведем некоторые итоги. Степень имущественного неравенства у нас значительно выше, чем в развитых странах. И такой разрыв — по международной шкале, определяющий уровень жизни,— соответствует приблизительно 60—70-му месту в мире. Основная причина — гипертрофированные масштабы малообеспеченности и рудиментарные размеры среднеобеспеченных слоев.

Нам поэтому надо ввести полную ясность в общественное сознание относительно положения в области социально-имущественного неравенства. Построение здорового, справедливого социалистического общества немыслимо без устранения пережитков, проявляющихся в «статусном» распределении благ. С другой стороны, развитие политической демократии создало бы предпосылки для становления демократии экономической, то есть полного хозяйственного расчета. Это — в условиях социализма — способствовало бы уменьшению границ как официальной имущественной элиты, так и подпольной бандократии, создало благоприятные условия для расширения социальной и политической базы обновленного общества — советского «среднего класса».

Редакция приглашает читателей к обсуждению статьи А. Зайченко. Нам представляется, что в ней есть ряд положений, которые могут стать предметом спора.

В третьем номере «Горизонта» мы познакомили читателей с несколькими публицистическими выступлениями Лидии Чуковской. К сожалению, по причинам, не зависевшим ни от редакции, ни от автора, тогда не смогла появиться еще одна статья Л. Чуковской — «Гнев народа», написанная в 1973 году. Мы печатаем ее сегодня.

Без «Гнева народа», по нашему убеждению, невозможно представить подлинную картину времени, которое теперь называют у нас поверхностно и благостно — застойным, но которое, однако, не было вполне таковым.

Статья «Гнев народа» — доказательство.

Лидия Чуковская

ГНЕВ НАРОДА

...Москва. 1958. 1 ноября. Пастернак только что получил Нобелевскую премию по литературе. Писатели исключили его из Союза. На страницы газет хлынули письма трудящихся. «Правильное решение». «Лягушка в болоте». Экскаваторщики, нефтяники, инженеры, учителя, слесаря.

Я — в такси. За рулем нескладный мальчик лет девятнадцати. Узкоплечий, узколицый, малорослый, только руки, крутящие баранку, огромны.

Я сижу рядом с ним, а между нами, на сиденье, газета. Думать я могу только о Пастернаке. Речи писателей, статьи и письма в газетах и мой собственный грех: отсутствие мое там, в Союзе — когда его исключали — моя немота. Пытаюсь укрыться в стихи. В его стихи. Но и из его стихов на память идут только гибельные.

...На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси...

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути...

Это — «Гамлет», чуть более десятилетия назад. А вот и давние, излюбленные мною с юности:

...Дай мне подняться над смертью позорной.
С ночи одень меня в тальник и лед.
Утром спугни с мочажины озерной.
Целься, все кончено! Бей меня влет.

Вот оно и сбылось. Целятся. Влет... Конец это уже или только начало конца?

И вдруг, как в дурной мелодраме — или, точнее, так, как бывает только в действительной жизни,— шофер оборачивает ко мне свое узкое лицо:

— Читали, гражданочка? — Он скашивает глаза на «Литературную газету».— Один писатель, Пáстер, кажется, фамилие, продался зарубежным врагам и написал такую книгу, что ненавидит советский народ. Миллион долларов получил. Ест наш хлеб, а нам же гадит. Я, вот этими руками,— мы стояли под красным светом, и он на секунду оторвал огромные руки от руля,— я на комбайне. Для него убирал хлеб. А он, гадина...

Честные рабочие руки снова ухватили баранку. Зеленый. Поехали. Между мною и моим собеседником на сиденье газета: несколько прямоугольных листов. Председатель колхоза имени Ленина из села Гуляй-Борисовка «с радостью встретил решение о том, что Пастернак лишен высокого звания советского литератора». Старший машинист экскаватора из Сталинграда тоже доволен: «Нет, я не читал Пастернака,— сообщает он.— Но знаю: в литературе без лягушек лучше». Письмо так и озаглавлено: «Лягушка в болоте».

Непрочная вещь бумага. Ее можно смять одной рукой и выбросить за окно. Разорвать или сжечь.

Но она была между мною и моим собеседником как железобетонная стена. В его глазах великий поэт, чью поэзию и прозу я любила с отрочества, был всего лишь тунеядцем, задаром поедающим хлеб.

— Пастернак, а не Пáстер,— сказала я через стену.— Всё, что вам о нем говорят и пишут,— неправда. Вас обманывают. Это великий русский писатель. Он никого не предал. Он любит вас. Он сказал о вас в своих стихах:

...Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря...

Шофер не услыхал ни единого слова. Между нами стена. Мы сидели рядом, по-прежнему разделенные всего лишь листками бумаги. Но голос мой сквозь нее не долетал до соседа.

Мы приехали. Взглянув на счетчик, я протянула шоферу деньги.

— Чтó Пáстер, чтó Пастернак, разницы нет,— сказал он.— Вы, гражданочка, грамотные, а газет не читаете?.. Не надо мне ваших двадцать копеек, я чаевых не беру.

И он вернул мне мою монету таким гордым, непреклонным движением, словно это были, по крайней мере, 200 фунтов стерлингов, предлагаемые ему за предательство иностранной державой.

Мне припомнился этот горестный случай сейчас, в начале сентября 1973 года, когда на страницы газет снова хлынул организованный гнев трудящихся — в который уже раз! — на этот раз против двух замечательных людей нашей родины: Сахарова и Солженицына.

...1968 год. Москва. Декабрь. Радостный день. Александру Солженицыну исполнилось пятьдесят лет. Преследования против него уже начались, но еще исподволь. Союз писателей еще не исключил его, но уже не празднует. Сотни читателей напечатанной и ненапечатанной прозы Солженицына посылают ему поздравительные телеграммы в Рязань. Я тоже.

«Вашим голосом заговорила сама немота. Я не знаю писателя более долгожданного и необходимого, чем Вы. Где не погибло слово, там спасено будущее. Ваши горькие книги ранят и лечат душу. Вы вернули русской литературе ее громовое могущество».

Могущество, которое возвратил Солженицын русской литературе, для Союза писателей обуза. Оно ему не по плечу. Союз советских пи-

сателей — административное учреждение, созданное, чтобы управлять. Могущество неуправляемо. Оно управляет само.

...1969. Ноябрь. Солженицын исключен из Союза административными средствами, президиумами да секретариатами, даже без собрания Московской писательской организации, которым был почтен Пастернак. В самом деле, при чем тут московские писатели? Ведь Солженицын — рязанский. Там его и исключили. Рязанского масштаба писателишка. Мелочь, из-за которой москвичам и собираться не стоит. Однако, хоть и немногие, кое-кто вступился за эту мелочишку. Среди 23 человек протестовала и я. Телеграфировала в Президиум Союза, что считаю исключение Солженицына национальным позором нашей родины.

...1973. Сентябрь. Травля академика Сахарова, а заодно и Солженицына, который в 1970 году получил Нобелевскую премию, вызвал этим против себя разнообразные гонения и все-таки имеет мужество защищать других.

Стройными рядами выступают на страницах газет академики, писатели, скульпторы, композиторы, художники. Тут же — отклики «простых людей», трудящихся, организованный взрыв стихийного народного гнева, которому приказано иметь вид естественного извержения вулкана.

Само собой разумеется, что никто из гневающихся и возмущающихся не имеет об академике Сахарове, об его поступках, предложениях и мыслях ровно никакого понятия. В метро и троллейбусах ведутся разговоры о каком-то негодяе Сахаревиче, который жаждет войны. А быть может, он и не Сахаров вовсе, а на самом деле Цукерман?

Где ты сейчас, мой старинный собеседник, узкоплечий мальчик-шофер с честными рабочими руками? По-прежнему ли ты веришь газетам? Ненавидишь ли ты сейчас академика Сахарова по газетной подсказке, как в пятьдесят восьмом году по той же подсказке искренне возненавидел Пастернака, а в другие годы и теперь — Солженицына? «Я не читал Пастернака, но знаю: в литературе без лягушек лучше». «Я не читал романы Солженицына, но возмущен...» А может быть, за это время, мой бывший собеседник, водитель такси, ты отрезвел, догадался, что прежде, чем возмущаться ими, надо знать их и думать обо всем на свете самому, собственным своим умом — не газетным.

Звуконепроницаемая стена, методически, злонамеренно воздвигаемая властью между создателями духовных ценностей и теми, ради кого эти ценности создаются, с 1958 года и особенно с 1969-го выросла и укрепилась. Стена, наглухо отделяющая «простой народ» от его пророков и мучеников.

Стена возведена прочная, железобетонная.

Борьба за душу «простого человека», за право, минуя цензурную стену, общаться с ним ведется в нашей стране беззвучно. Когда-то об этом беззвучии написал Мандельштам:

Мы живем, под собою не чуя страны.
Наши речи на десять шагов не слышны.
А где хватит на полразговорца —
Там припомнят кремлевского горца.

«Кремлевский горец», Сталин, умер, но дело его живет. Массовые облавы смертью его прекратились. В тюрьмах и лагерях сидят теперь не десятки миллионов ни в чем не повинных людей, как при Сталине, а тысячи виноватых. И вина у всех у них одна и та же: слово. Через стену, воздвигнутую газетной ложью, стену между задумавшимися и беззаботными, слово не проникает. Кричи! Ни до кого не докричишься; разве что до сотни человек сквозь дыру, просверленную в стене Самиздатом. Дыру эту сейчас, в наши дни, усиленно замуровывает КГБ — обысками, тюремными сроками и плевками газет. Если и докричишься, вопреки укрепленной стене, до кого-нибудь, то всего лишь до сотен, а население нашей страны около двухсот пятидесяти миллионов. И они возмущены — не теми людьми, кто пулеметною очередью неправосудных судов, тюрьмами, лагерями, ложью укрепляет стену, преграждающую дорогу правде,— а теми, кто пробует, напрягая ум, душу и голос, до них, до своих соотечественников за стеной, докричаться.

Мели, Емеля! Гуляй, Борисовка! Сотрудники газеты сами придут или позвонят тебе на дом и, подделываясь под «народный слог», сами сочинят за тебя твой гнев и твое возмущение. Тебе останется только подмахнуть бумажку. Ты и подмахиваешь.

Первыми выступили, осуждая академика Сахарова, деятели науки, искусства и литературы. К ним я обращаться не стану. Они образованные, начитанные, они прекрасно знают истинную цену и Солженицыну, и Сахарову, и, главное, самим себе. На них тратить слова не стоит. Подпись Шостаковича под протестом музыкантов против Сахарова доказывает неопровержимо, что пушкинский вопрос решен навсегда: гений и злодейство совместны. Гений и предательство. Гений и ложь. Члены Академии наук, члены Союза писателей и прочих «творческих Союзов» — и в первую очередь те, кто дергает их за веревочку,— продумали все отлично, они ведают, что творят, они понимают, почему и чем Сахаров и Солженицын, каждый на свой лад, им помеха.

К ним, к писателям, художникам, музыкантам, артистам, ученым, обращаться мне незачем. Им и без моего разъяснения известно, где правда. Худшие из них — профессиональные предатели, давно уже не имеющие никакого отношения ни к науке, ни к литературе или искусству; лучшие — талантливы, любят литературу, искусство, науку, но полагают, что «нельзя терять связи с читателем» (зрителем, слушателем) — сподручнее продать слово; полагают, что, если они не подпишут подготовленный начальством документ, издательства перестанут печатать их научные труды, повести, рассказы, стихи; раскидают набор уже принятой научной статьи или повести; не выпустят за границу с концертом; закроют выставку картин. И тогда? что же тогда станется с бедной литературой, наукой, с бедным искусством — и с ними? Они недомысливают: нельзя без конца вырезывать фестоны из собственного сердца — оно перестает плодоносить. Не знаю, как в математике или в музыке, но в литературе — в слове — нельзя. Пишите ваши повести, ваши стихи и рассказы, печатайтесь! Вас больше нет.

Мое обращение не к вам, а к тому мальчику за баранкой, который когда-то, не прочитав ни единой строки Пастернака и нетвердо зная его фамилию,— твердо верил, что Борис Пастернак ест наш хлеб, ненавидит наш народ и продался зарубежным врагам.

Вряд ли ты услышишь меня, но я обращаюсь к тебе. К так называемому «простому человеку». Он вовсе не прост и уж вовсе не глуп, но он несведущ. Он введен в заблуждение. Неведение его роковое. И для него, и для нас.

«Гнев и возмущение» против академика Сахарова выражает казенными словами доктор технических наук В. Сычов в газете «Известия» от 30 августа. Присоединяется к нему вскоре сборщик-механик М. Власов. Торопятся и донецкие шахтеры. От их имени выступает в «Правде» 3 сентября бригадир комплексной бригады на комбинате «Донецкуголь».

Возмущены и ленинградцы: кроме М. Власова, рабочие Кировского завода в лице своих бригадиров, двух Героев Социалистического Труда и одного лауреата Государственной премии. Сильно горячатся в Ростове-на-Дону.

«Когда я прочитал в газете о поступке, а сказать вернее, об антисоветской выходке академика Сахарова,— пишет газосварщик т. Ольховой,— то возмутился до глубины души. Ну, думаю, очутись я на той самой пресс-конференции, где Сахаров клеветал на нашу страну, я сказал бы ему «пару ласковых».

Это — в газете «Советская Россия». Воображаю, как был доволен сотрудник газеты, подыскавший настоящее «народное» выражение: «пару ласковых».

Не отстают и колхозники. Они «до глубины души возмущены непорядочными действиями академика Сахарова» («Правда», 4 сентября). Рядовые, а среди них и сановные: Герои Труда и депутаты Совета.

Народ «возмущен до глубины души». Еще бы! Ведь писатель Вадим Кожевников еще 30 августа на страницах газеты «Известия» разъяснил колхозникам и шахтерам, комбайнерам и токарям, будто Сахаров — слушайте! слушайте! — кощунственно потребовал «вмешательства империализма во внутренние дела своей страны и братских социалистических стран».

Ну как же было не возмутиться всему советскому народу. Я и сама возмутилась бы, если бы не знала, что такое Вадим Кожевников... Я не могу подобрать определения его имени и его поступку. Кожевников трехмиллионным тиражом сообщил читателям, будто академик Сахаров зовет на нашу землю интервенцию. Как же тут не возмущаться?

Позволю же себе и я сказать, что на самом деле совершил и к чему на самом деле зовет академик А. Д. Сахаров. Тунеядец ли он и зря ли он ест хлеб, выращенный честными руками колхозников, убранный честными руками комбайнеров, или слова Кожевникова кощунственная ложь, преступление с заранее обдуманным намерением.

Знаменитый советский физик, действительный член Академии наук СССР А. Д. Сахаров, трижды Герой Социалистического Труда и дважды лауреат Государственной премии, изобрел для Советского государства водородную бомбу.

Таким образом, товарищи рабочие и колхозники, он не ел даром хлеб, а трудился и дал в руки Советскому государству мощнейшее оружие в мире.

Получив в качестве премий огромные деньги, он полтораста тысяч из них пожертвовал Советскому государству — на онкологический институт и Красный Крест.

Слышали вы об этом?

Но если он создал бомбу — быть может, он все-таки любит войну?

Нет, товарищи колхозники, рабочие и советские служащие!

Человек сердечного ума и думающего сердца, Андрей Дмитриевич Сахаров возненавидел бомбы и всякое насильничество. Обращаясь к Советскому правительству, к народам и правительствам на всем земном шаре, он первым стал раздумывать вслух о том, что названо ныне «разрядкой международной напряженности». Он написал несколько больших статей, известных всему миру, кроме тебя, товарищ советский народ, статей, в которых пригласил народы земного шара вместо того, чтобы накапливать бомбы,— накапливать мысли: как спасти человечество от угрозы войны? голода? болезней? вымирания? как спасти природу, человечество, цивилизацию от гибели?

Он совершил нечто более значительное: задумался и о судьбе конкретного человека — и прежде всего о судьбе человека нашей родины. Это — его особенная заслуга, потому что раздумывать о судьбах всего мира, как бы ни были важны твои мысли, легче, чем выручить из беды хотя бы одного человека. Ведь кроме бомб, болезней и голода всюду на нашей планете, а на нашей родине в частности, существуют в изобилии тюрьмы, лагеря и — это уж наш, родной, советский вклад в дело палачества! — сумасшедшие дома, куда насильно запирают здоровых.

Вместе со своими друзьями академик А. Д. Сахаров организовал в точном соответствии с Конституцией Советского Союза Комитет Прав Человека. Комитет этот зарегистрирован при ООН, международной организации, в которую входит Советский Союз.

Никогда, ни разу, ничем, ни на йоту ни он, ни его товарищи не нарушили советский закон. Напротив, они стали защитниками людей, осужденных вопреки советскому закону, и разоблачителями тех, кто наш закон нарушает.

Стоп. Вот тут академик Сахаров с товарищами и сделался помехой власти. Законы существуют писаные и неписаные. У нас действует один неписаный закон, тот, который сильнее всего свода наших законов, вместе взятых, тот, от которого власть не отказывается никогда; у нас существует лишь одно преступление, которого власть никогда и никому не прощает; этот единственный, соблюдаемый строжайше закон: каждый человек должен быть сурово наказан за малейшую попытку самостоятельно думать. Думать вслух.

Вот за что был спущен на Сахарова — Кожевников, а следом за Кожевниковым — механическим нажатием кнопок — «гнев народа».

Сахаров не менее других радовался смягчению международной напряженности, им же, его же плодотворными мыслями и подготовленному. Но при этом он счел своим долгом предупредить обрадованных: смотрите, чтобы под шум банкетов, сопровождающих встречи на среднем, высоком и высочайшем уровне, не заглохли голоса тех немногих людей в нашей стране, которые не желают примириться со зверством.

Галансков умер в лагере. Григоренко медленной казнью ежедневно казнят в тюремном сумасшедшем доме. Амальрик в заключении перенес менингит — его следовало немедленно помиловать, а ему, когда он отбыл свой срок, дали новый. Разве это не равняется для него смертному приговору? Я перечисляю судьбы, случайно оказавшиеся в поле моего зрения. Обыски и аресты идут сейчас повсюду — от Черного моря до Белого... Москва, Ленинград, Киев, Одесса. В сумасшедших домах сводят с ума здоровых. Против беззаконий и зверств поднял свой голос академик Сахаров. За это его называют антисоветчиком.

Разве слово «советский» означает — беззаконный и зверский?

От чьего имени я обращаюсь к своему несуществующему читателю? От имени всего советского народа, как один электрик? От имени рабочего класса, как один шахтер? Или от имени карусельщика и газосварщика?

Нет. Я не присваиваю себе подобного права. Не знаю, кто дал его им... Говорю ли я от имени советской интеллигенции? Тоже нет. Ведь и Свиридов, и Леонид Мартынов, и Энгельгардт, и Быков, и Кукрыниксы, и Чингиз Айтматов — люди, несомненно, интеллигентные, а они выступили против Сахарова, защитника гонимых. Значит, не вправе я причислять себя к интеллигенции. Кого-нибудь пора от интеллигенции отчислить — либо меня, либо их... Протестую ли я от имени «инакомыс-

лящих», как называют за границей преследуемых у нас протестантов? Нет, я говорю от самой себя, от одной себя; «инакомыслящие» не поручали мне говорить от их имени; да ведь и организации у нас такой нет: «инакомыслящие». Самое слово представляется мне неточным. Чтобы мыслить «инако» — надо, чтобы у того, от кого ты отличаешь себя своей «инакостью», существовала какая-нибудь мысль. Но стереотипное газетное пустословие не есть мышление. И преследование Самиздата, «Хроники текущих событий», Сахарова, Солженицына, сотен других — это не назовешь идейной борьбой — это есть попытка тюрьмами и лагерями снова загнать голоса́ в немоту.

...Я вижу и слышу Андрея Дмитриевича Сахарова, четыре часа, под проливным дождем, упорно стоящего перед закрытыми дверьми открытого суда, где подбирают уголовные статьи для наказания за мысль, и с кроткой настойчивостью повторяющего в лицо охраннику одни и те же слова:

— Я — академик Сахаров... Член Комитета Прав Человека... Я прошу допустить меня в зал...

Его не пускают. Ведь он не только физик; он и его друзья — знатоки советских законов; он может, выйдя из залы суда, рассказать людям, как законы эти нарушаются. Он может нарушить главный закон нашей жизни; не тот, который записан в Конституции, а главный, неписаный,— закон сохранения немоты.

Слышали вы об этом, актеры очередного «народного гнева»? На страницах газеты вы заявляете, что не в силах «словами выразить свое возмущение»... Потому и не в силах, что в вашем «возмущении» нету и грана подлинности, что оно вызвано системой механических кнопок.

А вы, Кожевников, и те, кто нажимает кнопки, вы, намеренно задувающие сияние лучших умов, которыми нас дарит родная земля; вы, возводящие газетную — железобетонную — стену между лучшими умами и «простыми людьми»; вы, пытающиеся повернуть историю вспять; вы, искусственно, механическим нажатием кнопки, вызывающие волны «народного гнева», предпочитая немоту любому слову,— смотрите, чтобы из-под земли не вырвался подлинный гнев, и тогда он, как лава, затопит не только вашу убогую стену, но — ничем не просветленный, не очищенный ничьей одухотворяющей, умиротворяющей мыслью — мыслью академика Сахарова, например,— он утопит в крови, без разбора, и виноватых и правых.

Хочу ли я этого? Нет. Этого я никому не желаю.

7 сентября 1973 года

Гонорар за эту статью автор передает оргкомитету Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» (счет 700241 в Ленинградском отделении Жилсоцбанка г. Москвы).

В ближайших номерах журнала в рубрике «Открытое слово» редакция предполагает опубликовать письма, статьи, выступления Анатолия Марченко, Льва Копелева, Александра Солженицына.

Шод Муладжанов

«ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...»

— так, пожалуй, могут отреагировать москвичи на нынешнюю ситуацию с охраной правопорядка в столице.

Пробудешь часа три-четыре у пульта дежурного в любом управлении внутренних дел — от районных до городского — и, честное слово, на улицу выходить страшновато. Ограбление, квартирная кража, разбойное нападение, опять кража, пьяная драка... Потом, поразмыслив, прикинув масштабы города и реальное количество проживающих и приезжающих (специалисты считают, что это примерно в 1,5 раза больше официальной цифры), начинаешь себя успокаивать, что вовсе не обязательно именно тебя измордуют, ограбят, собьют машиной... А в самом деле, велика ли вероятность! Попробуем разобраться в этом без скидок на везение, фатальные и иные не поддающиеся осмыслению обстоятельства. Благо с недавних пор есть возможность получать и использовать в печати достаточно разнообразные сведения о состоянии преступности, в том числе и в нашем замечательном городе.

Более 400 тысяч административных нарушений, свыше 30 тысяч преступлений в год — на такой уровень вышла ныне Москва, обогнав по этим показателям многие из «забугровых» столиц, традиционно считавшихся неблагополучными.

Обсуждая заметный, и без подобных выкладок, рост преступности, частенько сводят его причины к несовершенству правоохранительной системы, «белым пятнам» в законоположениях. Так-то оно так, да только... Законность в обществе всегда связывалась с его общим экономическим и социально-политическим состоянием. Не случайно поэтому и многие юристы, социологи, работники правоохранительных органов единодушны сегодня во мнении: высокий уровень преступности берет начало в несбалансированности товарно-денежных отношений, в отсутствии нормального рынка и, соответственно, в развитии «теневой» экономики.

Разве можно одной клептоманией да слабостью охраны объяснить тот факт, что количество краж государственного и общественного имущества в стране, по данным МВД СССР, составило в минувшем году более 165 тысяч! Число задерживаемых за год «несунов» приближается к миллиону. И отнюдь не только стяжательские инстинкты и низкий уровень правовой грамотности толкают воров на преступление. Сегодня надо говорить откровенно: дефицит товаров первой необходимости, рост цен, приведший многих наших сограждан (только в Москве специалисты оценивают их число в 50—80 тысяч человек) на грань бедности,— все это источники, питающие самые отвратительные ростки на поле социальных явлений.

Мне могут возразить: грабят, жульничают, спекулируют, как правило, не бедняки. Да, командуют в этой сфере люди, чье состояние исчисляется порой миллионами (многим удалось их «отмыть» на гребне кооперативного движения). Но кто исполняет их указания, кто пополняет преступные группы, кто своими выходками, хулиганством, мелким воровством и примитивной спекуляцией отвлекает на себя значитель-

ные силы милиции, органов суда и прокуратуры! Тут богачами, как говорится, и не пахнет.

Более того, наметился очень опасный поворот в общественном мнении, четко проявившийся в ходе исследования, проведенного недавно в Москве ВНИИ прокуратуры СССР. Резко сократилось число людей, готовых дать правдивые показания в отношении расхитителя или соседа-спекулянта. Наименее сознательны в этом плане, судя по данным ученых, не только работники торговли и общепита (тут, увы, расхожие мнения на их счет подтвердились), но и рабочие строительной и промышленной отраслей. Из каждой сотни представителей этих категорий сотрудничать с правоохранительными органами в предложенной ситуации готовы лишь от 44 до 58 человек.

Итак, уровень преступности растет на фоне неблагоприятных социально-психологических факторов, ломки стереотипов правового сознания и — очень медленно поддающихся решению экономических проблем. Попробуем, отталкиваясь от этого, разглядеть повнимательнее, что же происходит с охраной прав москвичей, поддержанием законности в столице.

КТО КОГО ОХРАНЯЕТ

Если вы заведете разговор о кадрах с кем-нибудь из руководителей органов внутренних дел, вам не преминут сообщить, что только за минувший год 28 сотрудников ГУВД были отмечены правительственными наградами, а почти 3800 человек — приказами по министерству. И будут по-своему правы. Без отважных, толковых, честных милиционеров, следователей, инспекторов наша безопасность была бы и вовсе никак не обеспечена.

Но много ли таковых! Начальник Главного управления внутренних дел г. Москвы (с недавних пор он по статусу стал заместителем министра внутренних дел СССР) Петр Степанович Богданов откровенно признает: кадровую проблему в его ведомстве рано признавать даже близкой к решению. Кого из года в год набирали в подразделения милиции, отправляли в соответствующие учебные заведения! Людей в основном случайных. И поэтому еще сегодня приходится коллегии главка рассматривать дела тех сотрудников, которые пошли на сговор со спекулянтами, фарцовщиками, прочей нечистью. И выгонять с работы, и привлекать к ответственности, и... Однако самые строгие меры не ограждают ряды блюстителей порядка от потенциальных любителей наживы. И разве менее, чем они, опасны просто равнодушные, юридически и политически безграмотные сотрудники! Совершенно ясно, что в милицию нужен не набор, а отбор. Доля коренных москвичей в ней снизилась постепенно до считанных процентов. Не оправдывает себя и ставка на комсомольские путевки, направления из трудовых коллективов — чаще всего их легко получают желающие, пользуясь условностью, формальностью процедур. Партийное влияние тоже сказывается слабо. Да и всегда ли партбилет сам по себе гарантирует высокие моральные качества! Только за 1988 год в системе ГУВД пришлось исключить из партии 47 сотрудников, более 500 молодых коммунистов получили взыскания.

И вот что особенно тревожит: все чаще от москвичей поступают сигналы о том, что работники милиции охраняют не покой и права граждан, а благополучие спекулянтов, стяжателей, пусть и неграмотно, но в чем-то справедливо называемых мафией. Тут вполне определенный негативный эффект создается и активизацией подводной части того айсберга, на видимой вершине которого расположились кооператоры, «энтузиасты» индивидуальной трудовой деятельности. Еще один характерный штрих: за несколько месяцев десятки сотрудников органов внутренних дел перешли работать в систему охраны кооперативов. Там платят вдвое больше...

Вот и получается, что, с одной стороны, все руководители правоохранительных органов отчаянно стремятся изменить ситуацию, поддержать ростки правовой реформы, а с другой — положение в городе остается тяжелым, контролю поддается с трудом. До сих пор не перекрыты лазейки для спекулянтов, вымогателей, тех, кто промышляет на ниве проституции, азартных игр, наркобизнеса.

ОПЛАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Из документов, отчетов, информации на брифингах:

«В 1988 году служба БХСС выявила в Москве свыше тысячи фактов спекуляции. Рост случаев спекуляции в крупных и особо крупных размерах за год составил 10,4%».

«Четверть тяжких и треть корыстных преступлений совершены в минувшем году иногородними гражданами».

«В течение года на объектах Главторга, Главмосплодоовощпрома, Мособщепита и Москоопторга сотрудники БХСС выявили отсутствующие в продаже — «сокрытые» — товары и продукты питания почти на 10 миллионов рублей. В частности, проверка 14 магазинов «Ювелирторга» позволила обнаружить припрятанные в явно спекулятивных целях изделия с драгоценными камнями, украшения из золота, серебра, другие ценности на более чем 5 миллионов рублей. В одном из продовольственных магазинов Пролетарского района обнаружены 4 тысячи банок растворимого кофе. Задержана замдиректора одного из магазинов Перовского района, продавшая с «наценкой» жителю г. Горького 1600 килограммов гречневой крупы. Более 2000 рублей в виде взяток получили задержанные с поличным работницы магазина «Меха» торга «Мосодежда», которые отпустили из подсобного помещения шапки, меховые пластины четырем установленным покупателям».

«Третья часть корыстных правонарушений приходится на работников системы агропрома».

«Работники одного из спиртзаводов похитили 50 тонн горячительной жидкости. Они изготовили и реализовали свыше 100 тысяч бутылок «сфальсифицированной водки». Ведется следствие».

«На долю Москвы приходится значительная часть из ущерба, наносимого стране недостачами и хищениями,— в 1988 году он превысил, по оценкам специалистов, 600 миллионов рублей».

«В 1988 году в столице продолжает расти количество убийств, а также преступлений, совершенных подростками. По сравнению с предыдущим годом вновь пошла вверх кривая «пьяных» преступлений, хулиганства, иных правонарушений, совершаемых горожанами в нетрезвом виде».

«Только за последние недели 1988 года возбуждено 8 уголовных дел против рэкетиров. Для борьбы с рэкетом в ГУВД создано специальное подразделение».

Цитирование документальных источников можно было бы продолжать и продолжать, благо их предоставляют ныне журналистам в больших количествах. Но есть серьезное обстоятельство, позволяющее считать эту официальную информацию далеко не полной. По данным

городской прокуратуры, только за первое полугодие минувшего года оказались незарегистрированными, «перенесенными» во второе более 200 преступлений, в том числе ряд тяжких. За год прокуроры поставили на учет почти 2000 сокрытых преступлений! Количество материалов с отказами в возбуждении уголовных дел по фактам бытовых правонарушений перевалило за 10 тысяч. Причем в двух из каждых трех подобных случаев, как показала проверка, не проводилось даже элементарной профилактической работы.

Чем вызван налет иллюзорности, «корректирующей» данные? В прессе уже немало говорилось о неразумных графах отчетности, порой просто заставляющих руководителей подразделений в правоохранительных органах идти на очковтирательство. Полностью дискредитировал себя, скажем, такой показатель, как раскрываемость преступлений. Под одну гребенку причесывают и элементарный случай, и запутанное дело. Кому же хочется без конца выслушивать разносы начальства!

Правоведы не исключают и того, что многие иллюзии такого рода прямо оплачиваются преступными группами. Называют даже суммы, за которые можно «выкупить» задержанного мафиози, причем следов в отчетности от этого происшествия не останется... Но для подобных утверждений нужны конкретные, доказанные факты. А добыть их крайне сложно по вполне понятным причинам.

Однако не только сокрытие преступлений, умышленные или вынужденные «коррекции» данных работниками правоохранительных органов делают воссоздаваемую картину не слишком-то достоверной. Есть в этой проблеме иная сторона. Уже упоминавшееся нами исследование ученых ВНИИ прокуратуры дало на сей счет интереснейшие сведения. Из числа опрошенных выделим тех, кто считает себя пострадавшим от каких-либо преступлений. Попробуем выяснить, какая часть собеседников сообщила о происшедшем в милицию. И вот что получается. О кражах личного имущества заявили 60% пострадавших, о нанесении телесных повреждений — 50, о вымогательстве взятки — 25, о спекуляции — 14, о разного рода незаконных поборах — 10%. Так почему же не все? Или потеряли люди доверие к закону и его представителям? Опять воспользуемся данными ученых, причем в динамике. Если в 1976 году 17% опрошенных москвичей полагали, что закон не предоставляет возможности человеку, оскорбленному при публичной конфликтной ситуации, защищать свои права, то ныне это число удвоилось. Приведя эти сведения, доктор юридических наук А. И. Долгов совершенно справедливо, на мой взгляд, не только назвал морально-психологические факторы, но и упомянул о несовершенстве контроля за работой правоохранительных органов, который предстоит всерьез изменить в ходе правовой реформы. Есть и еще одна важная сторона вопроса. Имею в виду стиль работы тех, кто охраняет наши права.

ПОТЕРПИТЕ НЕМНОГО...

Мне лично очень дорог сериал «Следствие ведут знатоки». И не только потому, что последние его серии были почти что документальны по криминальному материалу. Просто уж очень там симпатичны работники органов внутренних дел. Настолько симпатичны, что больше похожи на эталон, учебное пособие. Как корректны они даже в самой сложной ситуации, как нацелены на неукоснительное исполнение процессуального кодекса и должностных инструкций, как неподкупны и

энергичны! Такому каждый доверит и свои права, и свою безопасность, и боль обиженной души. Прямо-таки точка отсчета...

Не станем безапелляционно утверждать, что в жизни подобных работников милиции, как, впрочем, и суда, и прокуратуры, мы не встречали. Высокие профессионалы и прекрасные люди, безусловно, есть. Но до знатоков того телесериала они все же не дотягивают. Впрочем, героизация жизни органов началась отнюдь не на телевидении, а задолго до его появления. Уже в те полувековой давности времена, когда за толстыми стенами своих кабинетов «блюстители законности» выколачивали необходимые им показания из честных партийцев, прекрасных специалистов, выдающихся деятелей культуры, о работниках этой системы стали говорить исключительно в превосходных степенях.

Это оттуда пришли к нам обыски без санкции прокурора, незаконные задержания, незаметно переходящие в арест, «позвоночное» право, бесцеремонное обращение с «темными личностями». И оттуда же — всегда справедливый и незапятнанный даже намеком на возможность ошибки работник ОГПУ, НКВД, МВД...

Из жалоб, заявлений москвичей:

«Они буквально вломились в нашу квартиру в праздничный день — 8 марта. Искали пропавшего без вести с места армейской службы нашего сына. Никого, естественно, не нашли. Но и за вторжение не извинились».

«Безуспешно пытаюсь найти управу на соседа-алкоголика. Участковый, приходя к нам, в очередной раз делает внушение. Но не ему, а мне. Терпи, говорит, мамаша. И очень довольно ухмыляется, выходя из комнаты соседа...»

«Проходил мимо площади, где какая-то группа проводила сборище. Их усмиряли ребята в форме. Вдруг один из милиционеров подскочил ко мне, схватил за шиворот. Я возмутился. И схлопотал... Вот вам и правовое государство. В суде иск принимать и не подумали. Чем, спрашивают, докажешь?»

«Незаконно отказывают в прописке после освобождения из заключения — скитаюсь уже больше года. Говорят о каких-то инструкциях, постановлениях, но мне эти документы не показывают. Знающие люди сказали: сунь конвертик, сразу все сделают...»

Горько читать такие письма, не правда ли? Знаю, что немало подобных жалоб приходит руководителям ГУВД, прокуратуры, и они стараются найти, наказать виновных. Но вот что любопытно: одних наказывают, другие вытворяют что-нибудь еще похлеще. Низка правовая культура? Безусловно. И это касается отнюдь не только гражданских лиц, но и самих блюстителей порядка. Ведь и они учились, формировались как личности, проходя «школу жизни» в той атмосфере, которую мы ныне, потупясь, называем застойной. Многие из них успели поработать под началом Щелокова и Чурбанова. И вкусить плоды пребывания в «зоне вне критики». Почему же мы ждем быстрых перемен к лучшему?

Наверное, потому, что без этих перемен никакие гарантии закона не станут реальными. И демократизация не обретет полновесного звучания, пока гласность не проникнет через стены больших и малых кабинетов, где трудятся служители Фемиды, рыцари щита и меча.

Счет административных нарушений в ежегодной статистике идет на сотни тысяч. В каждом случае страдают люди, москвичи. И ждут за-

щиты. А судьба их заявлений зависит часто от того, на чей стол ляжет жалоба. Треугольник «милиция — прокуратура — суд» становится для некоторых заколдованным. В нем, на манер Бермудского, пропадают документы. В нем становятся сложной проблемой элементарные, предусмотренные законодательством юридические решения. Хотя, конечно, такая беда постигает не всех. Многие из почти 70 тысяч жалоб на административные нарушения, поступивших в прокуратуру Москвы, удовлетворены. Но даже на этом внушительном фоне конкретному заявителю, попавшему в пресловутый треугольник бюрократов, ничуть не легче от сознания собственной печальной исключительности.

— Потерпите немного — порядка станет больше,— убеждающе говорил очень симпатичный, демократично настроенный деятель правоохранительной сферы. Он рассказал о том, что уже разработана и вот-вот начнет выполняться обширная, крупномасштабная программа укрепления законности и правопорядка в Москве, ставшая составной частью комплексной общегородской программы «Прогресс-95». Он перечислил разделы этого документа, сами за себя говорящие и подающие массу надежд на лучшее будущее: «Борьба с наркоманией», «Подросток»...

И очень хотелось ему верить. Потому что каждый из нас, жителей города, заинтересован в том, чтобы жилось москвичам спокойно, чтобы могли мы работать, отдыхать, существовать каждодневно без той поголовной опаски, которая, если верить сообщениям журналистов-международников, царит в заморских городах.

Но почему же так упорно растет количество убийств и изнасилований, грабежей и угонов автомашин! Почему не возымели действия меры по предупреждению рецидивов — и по-прежнему каждое третье преступление в городе совершают ранее судимые! И что это за «выяснения отношений между преступными группами», если не война банд, если не начальный этап формирования крупных мафиозных систем! А как быть с квартирными кражами, число которых за минувший год выросло почти на четверть!

Тенденции настырны: за первые три месяца 1989-го число зарегистрированных преступлений по сравнению с тем же периодом прошлого года увеличилось более чем на 3 тысячи. И работники МУРа, других служб ГУВД раскрыли почти на тысячу преступлений больше...

Да, органы правопорядка работают напряженно. Но этот факт сам по себе, как выясняется, гарантий безопасности нам не прибавляет. Вот, скажем, такой поворот вопроса. Предположим, преступление раскрыто. А когда совершивший его человек, потенциально готовый на новое, понесет наказание! Прошлогодняя статистика: на свободе находилось около 5 тысяч лиц, в отношении которых в момент проверки были возбуждены уголовные дела. Из них 176 человек совершили убийства или нанесли гражданам тяжкие телесные повреждения, 317 — разбойные нападения или грабежи, более 2 тысяч — кражи. Многие из них умело скрываются от следствия и вновь нарушают закон. На их долю приходится и немалая часть так называемых уличных преступлений — кстати, их число за текущее десятилетие увеличилось более чем в 1,5 раза. А их-то мы видим, ощущаем на себе каждодневно!

Примеров малоэффективных усилий правоохранительных органов можно привести немало. Скажем, полумиллионной отметки достигло количество москвичей, в течение года задержанных за различные нарушения в алкогольном опьянении. Более 300 тысяч «изъяли», как пишут в отчетах, с улиц, из общественных мест города. А более 8 тысяч застали в таком виде на работе. Похожая картина и в борьбе с проституцией — на учете в столичной милиции состоит теперь более тыся-

чи «профессионалок», и число их прибывает. Об «успехах» на ниве преследования спекулянтов мы уже говорили.

Одним из аргументов тех, кто не считает нынешнюю ситуацию в городе особенно тревожной, служит теория о так называемых волнах преступности. Вот, мол, попривыкнем мы к демократизации, кооперативам, массовой коммерческой активности — и многое успокоится, вредоносные бациллы сами погибнут под воздействием здоровых сил в обществе. Есть и иной подход. Первопричиной бед объявляют недостаточно строгое соблюдение паспортного режима в Москве. Да, 30% преступлений того или иного характера совершают в столице иногородние, «гастролеры». Но реально ли повлиять на эту тенденцию формальными приемами! И не страдают ли от ужесточения контроля за соблюдением правил прописки, в первую очередь, люди безвредные. Жулики, мафиози, опытные «гастролеры» умеют и укрываться, и откупаться.

Кстати, тема прописки вообще стала одной из наиболее актуальных в дискуссиях по правовым вопросам. И, надо отметить, позиции выявляются порой диаметрально противоположные. Например, прокурор Москвы Л. П. Баранов ратует за отмену этой формы учета и контроля, поскольку, на его взгляд, она не просто противоречит ряду законов, но и не приносит реальной пользы. Руководители же органов внутренних дел говорят о совершенствовании существующих правил.

А пока... Пока покой нам сегодня разве что снится. Правда, всем — по разным причинам...

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ДЕДУШКА КАЛИНИН»

В 1950 году на проспекте Маркса, в здании, порог которого, как часто бывает в подобных случаях, никогда и не переступал М. И. Калинин, открылся его музей. К тому времени память о Калинине была увековечена 114 раз — в названиях городов и населенных пунктов, заводов, фабрик, шахт, морских и речных судов. Его произведения изданы 1336 раз общим тиражом 56 630 тысяч экземпляров на 61 языке народов СССР и 24 языках народов зарубежных стран. Есть даже малая планета «Калинин», зарегистрированная под № 2699.

«Дедушка Калинин», «Всесоюзный староста» — так пресса и народ величали М. И. Калинина. И сам он, словно поддавшись гипнозу таких званий, всячески культивировал не президентский, а стариковский облик: стал пользоваться палкой, в которой совсем не нуждался, старомодно одеваться. В его адрес можно было писать шутливые стихи. Вот образец хранящейся в Музее Калинина корявой вирши, написанной Д. Бедным к 10-летию пребывания Калинина на посту Председателя ВЦИК:

Не унывай, Калиныч-друже,
Что борода твоя седа.
В боях, трудах — не на пиру же! —
Ухлопал ты свои года!
Держися крепко прежних правил:
Не унывай и не болей,
Чтоб я тебя еще поздравил
В четвертьвековый юбилей!

Возможность у всех, желавших поздравить Калинина с новым юбилеем, была: на высоком государственном посту он бессменно находился почти до самой своей кончины, то есть 27 лет.

Дедушке «по-родственному» подносились подарки. Нет, конечно же, ни одним из них Калинин не воспользовался — все они сейчас в музее и наглядно демонстрируют «народную любовь» к всероссийскому и всесоюзному старосте. Сам Калинин не возражал против этой сомнительной практики преподнесения государственным деятелям даров. Кто только и чего только ему не дарили!.. Вот шапка-ушанка из оленьего меха от колхозницы; трость деревянная от трудящихся Армении; модель сейфа от бывших беспризорников; подарки от ЦК КП Украины, от правительства Киргизии, от рабочих доменного цеха; топор и портсигар, нож и бумажник, кальян и молоток, пепельница и подщипник...

Венчает собрание экспонатов портрет М. И. Калинина из зерен и семян — от Ленинградского рабочего общества смычки города с деревней.

У людей старшего поколения имя Калинина ассоциируется с работой приемной Президиума Верховного Совета СССР, приемной ВЦИК и ЦИК, как называли ее раньше. «Председатель ВЦИК т. Калинин в субботу будет принимать просителей от 10 до 12 ч.»,— сообщала, например, газета «Известия» 25 апреля 1919 года. Посетители шли потоком, и вместе с Калининым граждан выслушивали сотрудники приемной (как правило, выдвиженцы из рабочих). ВЦИК, ЦИК, затем Президиум Верховного Совета СССР являлись последней инстанцией, куда можно было обратиться с жалобой. За тридевять земель, в Москву, к главе правительства приезжали крестьяне, чтобы пожаловаться на изъятие коровы, сена, картофеля за невыполнение твердого задания по заготовкам, просили об отмене штрафов (последний случай весьма характерен: колхоз требует от М. И. Семеновой внести в колхозную кассу 3000 рублей за лошадь, проданную ею еще до вступления в колхоз). Калинин помогает ремесленнику, на которого неправильно начислена недоимка за содержание мелочной замочной мастерской; крестьянке М. А. Богатыревой вернуть изъятый было колхозом дом, а О. Воронец определиться в эстрадную студию...

Получившие помощь (часто в порядке исключения, как упомянутая М. И. Семенова из колхоза «Революция») говорят о том, что «не могут укрыть чувства благодарности внутри сердец».

Конечно, для любого человека не мелочь — потерять дом, лишиться урожая, коровы. В дореволюционной России были деревенские и артельные старосты — «большаки, начальники по выбору», как определяет их В. И. Даль. Таким вот большим, главным старостой для многих посетителей, жалобщиков (так и не удалось встретить в выставленных письмах слово «избиратель») и был М. И. Калинин.

И все же речь не об этом. На многих из приведенных здесь документов стоят зловещие для нашей истории даты: 1936, 1937, 1938. Сейчас уже вне обсуждения находится вопрос о том, знал ли Калинин о происходившем в стране. Конечно, знал. Сталин не позволял никому оставаться незамаранным, да и трудно было бы Михаилу Ивановичу укрыться, ведь не маленькую должность он занимал: глава государства. От страшной действительности приходилось уходить во второстепенные дела. Именно рассказы об этих делах и разборах удержала не без помощи официальных воспоминаний народная память. Но ведь через руки Калинина проходили в основном другого рода документы, становившиеся руководством к действию. С недавнего времени некоторые из них помещены в музейных витринах.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦИК СССР

«О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ДЕЙСТВУЮЩИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОДЕКСЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК»

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических актах против работников Советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР *М. КАЛИНИН.*
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР *А. ЕНУКИДЗЕ.*

Москва, Кремль, 1 декабря 1934 года

«Фактически,— пишет историк Р. Медведев,— это было постановление о терроре, беспрецедентное в условиях мирного времени, так как открывало широкий простор для беззаконий. Ведь при желании любое «политическое дело» можно было выдать за подготовку к террористическому акту». Уже через 6 дней на основании этого постановления Военная коллегия Верховного суда приговорила к расстрелу 39 человек в Ленинграде, 29 — в Москве, позже 28 — в Киеве, 9 — в Минске.

Читая сегодня литературу о сталинских репрессиях — мемуары, повести, исследования, убеждаешься в том, что обвинение в террористической деятельности было самым распространенным.

В музее можно прочесть текст постановления ЦИК и СНК от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Вот отрывок из него:

«III.

...2. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам».

Не надо было заниматься политикой, чтобы попасть под действие этой суровой кары. Писатель Л. Разгон, рассказывая о довоенных лагерях, пишет, что «большинство... зеков были «мужиками», а не блатняками. Сидели они чаще по «закону от седьмого восьмого», работали изо всех сил, считали каждый день и каждую копейку».

Характерен отрывок из постановления о «Дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» от 8 июня 1934 года:

«1[3] В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей,— караются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживающие или находящиеся на его иждивении к моменту совершения преступления,— подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет».

30 марта 1935 года был принят закон о наказании членов семьи изменников Родины (отсюда дикая аббревиатура — ЧСИР), по которому уже все ближайшие родственники изменников Родины должны были высылаться в отдаленные районы страны, даже если они никакого отношения к преступлению не имели. Заложничество было оформлено законодательным путем.

Обращает на себя внимание Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, согласно которому за самовольный уход с предприятий и учреждений и прогул без уважительной причины рабочие и служащие подвергались тюремному заключению и исправительно-трудовым работам. Относительно небольшие сроки, которые имели «указники», за малейшую провинность в лагере удваивались и утраивались.

На всех этих документах — подписи Председателя ЦИК СССР, а затем Верховного Совета СССР М. И. Калинина, а также секретарей. Большинству известна трагическая судьба секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе, расстрелянного в 1937 году. Не все, однако, знают, что и другие секретари ВЦИК и ЦИК СССР (кроме А. Ф. Горкина) также были расстреляны: А. С. Киселев, И. А. Акулов, И. С. Уншлихт.

Сегодня ни музейная экспозиция, ни книги, посвященные Калинину, не рассказывают об указах Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации некоторых республик, о выселении народов в годы войны. Читаем у публициста В. Лукьяева: «Почему и за что Сталин, Берия, Молотов, а также искренне любимый мной в детстве всенародный дедушка Калинин и многие другие кремлевские дяди приказали сделать с нами то, что Гитлер хотел сделать с русским и другими славянскими народами? Гитлер, как известно, за такие штуки крепко поплатился. Да иначе и быть не могло. Людоеды всегда плохо кончали — не только в сказках. Но наши отечественные людоеды были еще и гипнотизерами. Сейчас наконец-то их гипноз потихоньку теряет силу, и, думаю, с каждым из них мы вскоре окончательно разберемся».

В январе 1988 года в «Московской правде» была опубликована статья, в которой, в частности, говорилось о необходимости «ограничения масштабов увековечения памяти Калинина». А в одном из залов музея экспонируется письмо возмущенного читателя газеты, который считает, что Калинин не отвечает за преступления Сталина...

Высочайший пост, который занимал Калинин, делал меру его ответственности перед народом и обществом безграничной. А ведь именно на годы «правления» Калинина падает пик репрессий и беззаконий, творившихся в стране. Калинин не был организатором репрессий, но был исполнителем воли «хозяина», «не противостоял сталинскому беззаконию», как справедливо пишет в книге отзывов музея один из его посетителей. О неосведомленности Калинина говорить не приходится: как член Политбюро, которым Калинин являлся с 1926 года, он по распоряжению Сталина получал копии всех протоколов допросов в НКВД. И более того. Р. Медведев пишет: «Аресты членов ЦИК СССР санкционировал, как правило, сам «всесоюзный староста»... Во время одного из заседаний ЦИК в 1937 году секретарша Калинина вызывала из его кабинета поочередно четырех членов ЦИК, и Калинин, рыдая, подписывал санкцию на их арест, который производился оперативной группой НКВД в соседней комнате».

Вернувшись в первый зал после осмотра всей музейной экспозиции, уже в каком-то новом свете оцениваешь выставленные здесь экспонаты.

М. И. Калинин, будучи участником трех русских революций, 14 раз арестовывался царским правительством. В тяжелых условиях царской тюрьмы, как рассказывают экскурсоводы, читал «Капитал» Маркса. «В тюрьме,— напишет он позже,— ...работать не только не заставляли, но политикам даже было запрещено, и поэтому эти десять месяцев были целиком посвящены, если можно так выразиться, на просвещение». 160 книг вписано в первый тюремный библиотечный формуляр Калинина. За революционную деятельность «царские сатрапы» высылали его в Тифлис, Ревель, на родину — в Тверскую губернию, «учиняли над ним гласный контроль полиции». 14 раз арестовывался Калинин, но ведь столько же раз и выпускался! Всегда после освобождения находил работу. Всякий раз имел право на суд, на обжалование приговора... И чего же столько возиться? Не проще ли — сразу за Полярный круг, лет на 15, а вместо тома Маркса — тачку в руки? А родителей, сестер и братьев просто как «чсиров» или за недонесение — на 5 лет в «отдаленные районы Сибири с лишением избирательных прав»? А детей... тяжело даже писать об этом. Но ведь поднялась же рука у М. И. Калинина подписать Указ ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года, разрешающий привлекать к уголовной ответственности детей с 12-летнего возраста с распространением на них предусмотренных Уголовным кодексом наказаний, вплоть до смертной казни!

Руководствуясь ли «высокой идеей», или глубоко страдая, подписывал Калинин эти бесчеловечные документы, мы не знаем. Дневников, воспоминаний, устных завещаний он не оставил. Да и судить, тем более политического деятеля, честнее всего по делам.

Пока же в Музее Калинина, в зале, где собраны постановления и указы 1932—1940 годов, а также цитируется опубликованное в «Правде» в январе этого года постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов», школьников принимают в пионеры. Расчехляются знамена, звучат горны. К подножию памятника Калинину, установленному в зале, дети возлагают цветы. Все, как говорится, смешалось...

С определенного времени экспозиция музея служит большинству экскурсоводов лишь основой для беседы на тему «Калинин и правда истории», которая строится чаще всего по принципу «экспонат наоборот». Детям, составляющим большую часть экскурсантов, «ничего такого» о Калинине не говорят, а индивидуальный посетитель волен истолковывать экспозицию в меру своей подготовленности и широты политического кругозора. Но ведь именно формирование мнения рядового посетителя, его восприятия экспонатов, соотнесенного с духом сегодняшнего дня, и есть, наверное, самое важное в деятельности музея.

Если перелистать книгу отзывов, то наряду с благодарностями сотрудникам музея «за предоставленную возможность провести ритуал приема во Всесоюзную пионерскую организацию им. Ленина, вручения пионерского значка и галстука», посетители пишут и другое: «Калинин не вызывает ни малейшего уважения, скорее — презрение. Его жизнь — образец лицемерия, двурушничества, предательства. Что можно сказать о человеке — Всесоюзном старосте! — который подписывал указы, постановления, решения о расстрелах» (Н. Кадашов, Ленинград). «М. И. Калинин был рабом, бессловесным прислужником и соучастником преступлений... Он потерял честь и опозорил свое имя, когда любой ценой (хотя бы ценой жизни) не защитил от убийцы свою собственную жену!» (профессор Чистяков). «Мы в Твери считаем, что Калинин не был выдающимся государственным и политическим деятелем, не был «любимым» Всесоюзным старостой. А потому создаваемый ему официальный почет и культ его личности не соответствуют небольшой исторической значимости его работ, деятельности. Наверное, он и сам это понимал в силу своего природного здравого смысла. Но нам от этого не легче» (посетители из г. Калинина).

«Полностью поддерживаю предложение о переименовании Калининского района. Калинин — пособник культа личности, его беззаконий и репрессий. Это позор несмываемый» (запись, сделанная в декабре 1988 года). Одна из записей

(от 12.01.89) о Калинине заканчивается так: «Теперь история приглашает его на свой суд!» Посетитель музея т. Белов обращается к его сотрудникам: «Товарищи работники музея! ...Вы вполне сознательно морочите голову нашей молодежи, дурите ее, проповедуя жизнь человека, повинного в трагедии сталинских репрессий. Он же был Председателем! Он, безусловно, ответствен за то, что было. ...Прекратите славить то, с чем народ желает расстаться, что он ненавидит. Музей нужно закрыть. Он работает против перестройки».

Г. КАМЕНСКАЯ

ГДЕ ИСКАТЬ ОТВЕТЫ?

Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Одну из самых позорных страниц «застойного двадцатилетия» — войну в Афганистане — кое-кто и сейчас упорно пытается списать на ошибку «в идее», ни за что не желая признаться в собственной бессовестности.

Журналисты — в большинстве своем те, кто почти десять лет потчевал нас бодрыми репортажами с полей сражений и получал за это должности и награды,— делают вид, будто вопросы, связанные с Афганистаном, настолько сложны, что простому смертному нечего и пытаться их разрешить: задача под силу-де только государственному уму. Я же, напротив, думаю, что это очень простые вопросы. Если, конечно, ставить их правильно и честно.

Хорошо помню день, когда мы узнали о введении ограниченного контингента советских войск в Афганистан. В те первые часы оставалось лишь воображать реальное положение дел и их последствия: не было еще ни цинковых гробов, ни репортажей по телевидению, ни даже слухов. Радио настойчиво предлагало легкую музыку. Ошеломленный и растерянный, я бродил по заснеженным улицам, глядя на весело освещенные окна, и меня впервые пронизала невыносимая мысль: ведь там, за окнами, сидят у экранов телевизоров матери, отцы, сестренки и братишки тех, кто уже убивает и умирает. О чём они думают, слушая оперетку!!

Л. Брежнев в первые же дни афганской войны произнес для народа сакраментальную фразу: «Я могу заверить, что ни на один килограмм не будут уменьшены планы обеспечения советских людей хлебом и хлебопродуктами». Многим этого оказалось достаточно, чтобы унять шевельнувшуюся было где-то в глубине души тревогу.

Говорят, будто об этой войне молчали. Увы, о ней даже сочиняли романы, повести, рассказы — они-то и были на первых порах главными поставщиками «информации». «Сотрясенный путчем Кабул, раненный в сердце. Патрули и танки на улицах. Перестрелка в кварталах. И среди всего — крохотное детское сердце, задетое сталью, и люди сошлись, желая его спасти». С такой простоватой душевностью рисовал войну А. Проханов. В его сочинении лучшие советские врачи, используя супертехнику, производят сложнейшую операцию на сердце, чтобы спасти жизнь афганскому мальчику. В это самое время в нашей родной стране обыкновенный язвенник годами ждал очереди, чтобы занять койку в продуваемом ветрами больничном коридоре.

Если бы все, о чем писал Проханов, принималось читателями за чистую монету, я бы не поручился за доброе отношение нашего народа к Афганистану. По счастью, люди видели в подобных сочинениях то, чем они являлись на самом деле,— гонорарные сказочки, рассчитанные на простаков. Но мало кто задумывался о моральном праве авторов сочинять такие сказочки на материале реальной трагедии двух народов — афганской войны.

Сегодня те, кто несет за эту войну личную ответственность, любят повторять: «Наши солдаты в Афганистане знали, за что они воюют...» Знали ли! На этот вопрос так сразу не ответишь. Знали ли бойцы заградотрядов в 1932—1933 годах, за что обрекают на голодную смерть своих сограждан — мужчин, женщин, стариков, детей в отрезанных от остального мира, обобранных до последнего зернышка деревнях! Знали ли люди немного позже, зачем собираются на митинги и требуют расстрелять, расстрелять, расстрелять! Виноваты прежде всего те, кто нарочно мутил людской разум с помощью чудовищной пропагандистской машины. Их целью было извратить человеческие ценности, перевернуть с ног на голову основные жизненные понятия. Перечитайте, обязательно перечитайте ответы Л. Брежнева корреспонденту «Правды», напечатанные 13 января 1980 года! «Разумеется, никакой советской «интервенции» или «агрессии» не было и нет. Есть другое: мы помогаем новому Афганистану по просьбе его правительства защищать национальную независимость, свободу и честь своей страны от вооруженных агрессивных действий извне». Чувствуете, как легко и естественно проникает в мозг эта давно, казалось бы, отвергнутая обществом иезуитская логика! Отрава слов-оборотней у нас в крови, от нее можно излечиться только годами напряжен-

ного духовного бдения, бдения совести, не дающей солгать. В том числе и в ответе на такой вопрос: «Нет ли во всем, что случилось, и моей вины!..»

Сам я в ту пору был ленинградским студентом. В мою память врезалась лекция по научному коммунизму, на которой профессор Н. Покровский, оттолкнувшись от афганских событий, пустился в воспоминания. Осенью 1968 года к нему явились товарищи из органов, сообщили: один из его студентов шлет в инстанции письма с требованием вывести наши войска из Чехословакии. Что делать! И тут профессора осеняет светлая идея: пусть решит студенческая группа! «Товарищи сомневались, не очень-то рассчитывали на сознательность наших ребят,— рассказывал он нам.— Но я поверил в них и не ошибся. Вначале, конечно, кратенько объяснил суть дела: или — или. Или вы заодно с империализмом против нашего народа, или вы марксисты-ленинцы, последовательные борцы за социализм на мировом фронте. И что бы вы думали! Ребята с прокурорской точностью определили меру наказания! Если человек не понимает простых вещей, ему нужно вначале постичь другую науку. Не доходит через голову — дойдет через руки».

Меня от этого мутило. Пугали царившие в аудитории глухота и безразличие. Я бледнел и — молчал, как много раз до этого и много раз после, сознавая, что суд надо мной свершится с такой же безжалостностью. Это было время, когда человек, произнесший вслух то, о чем знали все, становился отщепенцем.

Зачем вспоминать про это, кому нужно мое покаяние! Вот ведь и некоторые писатели наши, «совесть народа», заявляли недавно: им-де каяться не в чем. Так же думает и специалист по «горячим точкам» А. Проханов, до сих пор уверенный, что был в своих афганских сочинениях выразителем высших интересов государства, до понимания которых большинство просто не доросло.

Я не касаюсь политических и правовых аспектов необъявленной войны, мне важно иное: как люди могли поверить, что черное — белое, что вооруженное вмешательство в жизнь другого народа является благом!

Конечно, продуктивнее смотреть вперед, чем назад, отстаивать будущую человечность, чем печалиться о вчерашних проигранных битвах. Но вот получаю свежую газету — и нахожу письмо участника известных чехословацких событий, который сетует: почему «афганцам» — и ордена, и почести, и привилегии, а нам — ничего! Разве те, кто въезжал на танках в Чехословакию и Венгрию, не выполняли точно такой же «интернациональный долг»! В самом деле, никакой справедливости...

Длинная очередь в продовольственном магазине. Плечистый парень, всех расталкивая, тычет мне в лицо удостоверение участника войны. Я теряюсь, пропускаю его вперед, но в это время очередь взрывается негодованием. И до меня доходит абсурдность того, что мы творим. Милосердие! Но оно в равной степени требуется жертвам войны и стихийного бедствия, инвалидам от рождения и людям, попавшим в аварию. Да, государство обязано позаботиться о раненых и семьях погибших (наравне, скажем, с жертвами брежневских политических репрессий, о судьбе которых почему-то не принято говорить). А вот чем обязаны молодому здоровому «афганцу» та бедно одетая женщина с авоськой или тот старик, переживший более страшную войну! Не льготы этому парню надо предоставлять, а исцелять покалеченную лживой пропагандой душу — и это тоже, кстати, святая обязанность государства.

Кое-кто, кажется, начал понимать то, чего еще не поняли чиновники, усвоившие самый легкий и самый бесполезный способ «заботы о людях»: наслаивать одна на другую разные «привилегии», которые при тотальном дефиците не обеспечивают даже прожиточного минимума (достаточно посмотреть, сколько у нас «очередей вне очереди» на квартиры и что продается в специальных магазинах для инвалидов войны). И тот «афганец», ушедший из гастронома с обидой, не понял того, главное, что был он не народным защитником, а невольным участником преступной авантюры, за которую и ему, и мне, и писателю Проханову, и упомянутому профессору, и многим-многим другим только еще предстоит расплачиваться по большому счету. И осознать свою вину, почувствовать необходимость нравственного искупления, чтобы никогда не наступило снова то, что пережила наша страна в 30-х годах. Будем помнить: отдельный человек или целое общество, доросшие до покаяния, спасают этим покаянием прежде всего самих себя.

С. ЯКОВЛЕВ

«ОН БЫЛ ЗАХВАЧЕН БОРЬБОЙ ПРОТИВ СТАЛИНА...»
(Об одном мемуарном очерке Л. Троцкого)

Публикация
доктора исторических наук
Н. А. ВАСЕЦКОГО

Едва ли сегодня нужно доказывать кому-либо, что знание истории без знания документов невозможно. Чем шире их круг, чем глубже их анализ — тем значительнее и полнее предстает перед нами картина прошлого, тем различимее лица участников былых событий. Не случайно, говоря о необходимости создания очерка истории партии, М. С. Горбачев на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС назвал в числе главных задач использование «значительного пласта документов, пока еще не вошедших в научный оборот». Именно это, по его словам, будет «хорошим шагом вперед и в постижении истины, и в создании научной основы для воспитания исторического сознания советских людей, выхода на более высокий уровень политической культуры».

В истории не должно быть «белых пятен», «неудобных» проблем и фигур, тем паче если проблемы эти и эти фигуры б ы л и. К числу таких фигур, до последнего времени не упоминавшихся вовсе или упоминавшихся непременно в окружении бранных ярлыков, принадлежит Л. Д. Троцкий. Однако, чтобы верно оценить взгляды и деятельность этого, как его часто называют, «демона революции», нужно, по крайней мере, знать эти взгляды.

Сегодня мы хотим познакомить читателя с одним из мемуарных очерков Л. Троцкого — «Иосиф Сталин. Опыт характеристики». Этот очерк был написан в сентябре 1939 года, опубликован в журнале «Лайф» и с тех пор неоднократно переиздавался за рубежом *.

Надо отметить, что сочинения Троцкого на книжных прилавках Запада — не редкость. Их печатают многие издательства и журналы — и левые, настроенные сочувственно к нашей стране, и белоэмигрантские. Последнее — факт сам по себе чрезвычайный. Ведь хорошо известно, что белоэмигранты всегда относились к Троцкому с подчеркнутой враждебностью: в их глазах он — один из главных организаторов Октябрьского вооруженного восстания в 1917 году, а значит, и самый непосредственный виновник их вынужденного бегства из России.

Собственно, они и не считают нужным скрывать свою неприязнь к Троцкому. Так, предваряя публикацию материалов из книги Троцкого «Сталин», редакция «Нового журнала» в 1984 году сообщала: «Испытывая глубокое отвращение как к личности, так и к кровавой деятельности Л. Троцкого, редакция «Нового журнала» все же печатает выдержки из книги Л. Троцкого «Сталин» как ценный исторический документ».

Поразительное свидетельство! Оказывается, даже белоэмигранты, хотя им и приходится преодолевать свое «глубокое отвращение» к личности Троцкого, на-

* Здесь печатается по книге Л. Троцкого «Портреты революционеров», вышедшей в 1988 году в нью-йоркском издательстве «Хроника». Составитель книги — историк Ю. Фельштинский, немало сделавший для пропаганды произведений Троцкого. Им, в частности, были подготовлены к изданию и опубликованы «Дневники» Троцкого, семь глав из его незаконченной книги «Сталин» и др.

ходят тем не менее возможным печатать его сочинения, считая их «ценным историческим документом».

Мы же, в нашей стране, предпочитаем держать сочинения Троцкого за семью печатями. Хотя многое из того, что полвека назад в этих сочинениях могло саднить душу, вызывать справедливый гнев или, наоборот,— сочувствие, сегодня уже попросту исчезло или, по крайней мере, приобрело такую форму, которая позволяет вести разговор о наболевшем в более или менее спокойной, аналитической манере.

Вот почему я полностью согласен с заведующим кафедрой истории советского общества Ленинградского университета Г. Соболевым, который на страницах журнала «Коммунист» (1989. № 3. С. 125) уговаривает соответствующие инстанции: «Думается, теперь мы уже в состоянии самостоятельно, без помощи интерпретаторов, своих и чужих, разобраться в том, что писал о революции Л. Д. Троцкий до изгнания из СССР и после.

Г. Соболев прав — нам давно пора приступить к публикации сочинений Троцкого, предоставить советским людям возможность оценивать троцкизм, опыт борьбы с ним Ленина, партии, Коминтерна, других компартий по первоисточникам, а не из вторых рук. Именно этим стремлением и продиктована инициатива редакции «Горизонта», за которой, надеюсь, последуют другие.

Несколько слов о самой публикации, хотя и рискую вызвать раздражение некоторых читателей: призывает знакомиться с Троцким без посредников и тут же навязывает свой комментарий. Нет, считайте мои заметки не традиционной формой «ведения за руку» читателя, столь надоевшей всем нам за годы застоя, а лишь мнением одного из тех, кому уже довелось познакомиться с данным очерком Троцкого.

Выбор именно этого очерка не случаен. В последние год-два тема «Сталин и Троцкий» так или иначе присутствует на страницах художественных произведений, в публицистике, на театральных подмостках и даже (правда, в виде робких попыток) в научной литературе.

Итак, Троцкий и Сталин...

Впервые замысел книги о Сталине возник у Троцкого в 1928 году в Алма-Ате. Был он обусловлен стремлением Троцкого разобраться в том, почему в политической ссылке оказался он, а не его главный противник и оппонент Сталин. Прямо скажем, весьма запоздалая попытка. Но на то были веские причины.

Будучи крайне высокого мнения о самом себе, Троцкий долгое время относился к Сталину весьма снисходительно, чтобы не сказать с пренебрежением. Фактически он его попросту не замечал, не видел в нем серьезного соперника в борьбе за лидерство в партии. Это его отношение к Сталину еще более укрепилось после того, как осенью 1918 года при обороне Царицына ему удалось взять верх в стычке со Сталиным, который демонстративно отказывался выполнять распоряжения Троцкого как председателя Реввоенсовета республики. По настоянию Троцкого ЦК РКП(б), вопреки резким протестам Сталина, отозвал последнего из Царицына, а его ближайших помощников, в том числе и Ворошилова, разослал по разным участкам гражданской войны.

Именно это поражение, по моему мнению, обусловило появление 6 ноября 1918 года на страницах «Правды» заметок Сталина «Октябрьский переворот». Эти заметки были весьма коротенькими — какой-нибудь десяток-другой газетных строк. Но для Сталина они имели чрезвычайно «длинные» последствия. Ведь в статье Троцкий преподносился им как едва ли не единственный рядом с Лениным организатор Октябрьского вооруженного восстания, преднамеренно принижалась роль Подвойского и Антонова-Овсеенко, которые представали людьми, бывшими у Троцкого чуть ли не на побегушках.

Такого самоуничижения со стороны Сталина не отмечалось ни до этих заметок, ни после них. Стоит ли удивляться, что они не вошли в собрание его сочинений, а всякое напоминание о них вызывало у Сталина приступ болезненной

гипсовая мифология так или иначе исподволь проникла в наше сознание, и мы очень часто остаемся глухи к подлинной пластической красоте. Причем иногда не только глухи, но и агрессивны по отношению к любым отступлениям от всего, что еще совсем недавно уверенно именовалось «методом социалистического реализма».

Я хорошо помню могучего бетонного быка, который стоял, полузабытый, среди разросшихся кустов и хилых деревьев на окраине московского ЦПКиО имени Горького. У меня до сих пор к нему нежное чувство. Он стал частью моей биографии конца 60-х — начала 70-х годов. Бык, видимо, так и не вышел из тех кустов. Это был бык без будущего, хотя и с богатым «потемкинским» прошлым, до сих пор зримо напоминающим о себе в главном месте наших псевдодостижений ВСХВ — ВДНХ.

Итак, в Москве определились как бы три уцелевших оазиса гипсовой мифологии (гипсовой, конечно, условно, так как бетон, металл, камень и все прочие материалы не отменяют ее гипсовой сути) — это старые станции московского метрополитена, высотные здания и неоглядная наша ВДНХ. Весь остальной массив разрушающихся «радостей» живет на огромной территории больших и малых российских городов, на Украине, в Белоруссии, Средней Азии и некоторых республиках Закавказья. Так и не став подлинным искусством, гипсовые изваяния тем не менее вошли

в нашу жизнь, стали частью пейзажа. В их причудливой тени выросли мы и наши дети.

«Что же нам теперь со всем этим наследием делать?» — спросит наверняка вдумчивый и жаждущий практических усовершенствований читатель. А ничего! Как минимум — бестрепетно созерцать. Как максимум — думать.

Итак, не будем обольщаться — гипсовая мифология жива и по сей час. Более того, в ее развитие вкладываются немалые средства. Например, на 28 миллионов рублей в год изготавливают комбинаты Художественного фонда СССР так называемую сувенирную «мелкую пластику». И не стоит спешить радоваться тому, что это пластика «мелкая», не превышающая, как правило, 80 сантиметров по вертикали. Увы, маленькие Пушкины, Толстые, Дзержинские, Чапаевы, Высоцкие и т. д., а также многочисленные лирические герои и сказочные персонажи — это дети все той же гипсовой мифологии. Подобной худпродукцией буквально набиты сувенирные ларьки и прилавки специальных салонов и галантерей по всей стране. На кого все это рассчитано? На активистов жэков и дэзов или оформителей красных уголков? Отчасти, разумеется, и на них. Но главным образом на нас, простодушных. Вдруг не утерпим и отдадим свой слабеющий на глазах рубль на «святое искусство», которое «требует жертв».

Лично я боюсь слишком требовательного искусства, хватающего

Окончание на 3-й стороне обложки

мнительности. В 1924 году в его выступлении на пленуме ВЦСПС роль Троцкого в восстании оценивалась уже значительно прохладнее, а в «Кратком курсе истории ВКП(б)» он изображался примерно так же, если не хуже, как «штрейкбрехеры» Зиновьев и Каменев. Начиная с 20-х годов Сталин все чаще на заседаниях Политбюро, на пленумах ЦК пикировался с Троцким, оспаривал, и не всегда безуспешно, его предложения, в особенности когда речь заходила о кадровых перемещениях или назначениях.

Однако Троцкий по-прежнему не придавал Сталину особого значения. Его не насторожило даже «Письмо к съезду» Ленина, где устойчивость Центрального Комитета и всей партии в целом ставилась в зависимость от взаимоотношений двух членов ЦК — Троцкого и Сталина.

Дальнейшее хорошо известно. В ходе внутрипартийной борьбы 20-х годов Троцкий потерпел от Сталина сокрушительное и, надо сказать, вполне заслуженное поражение. Сегодня кое-кто пытается изображать дело так, что, мол, Сталин пользовался «запрещенными приемами», нарушал Устав партии, интриговал и проч. Все это, конечно, было. Но очевидно и то, что все эти претензии в равной мере могут быть отнесены и к самому Троцкому. Дело не в чьих-то интригах. Просто Троцкий оказался неважным стратегом и весьма посредственным тактиком. Его хватало, как правило, лишь на вспышкопускательство. Когда дело доходило до серьезной драки, Троцкий тушевался, проявлял колебания, ссылался на болезнь и т. п. Из анализа внутрипартийных дискуссий 20-х годов видно, что Троцкий оказывался в проигрыше еще до их начала — так неудачно им выбирались моменты для дискуссий, сами их темы, используемая контраргументация.

Тогда, в 1928 году, Троцкий так и не реализовал свой замысел. Он был захвачен борьбой против Сталина, а когда в феврале 1929-го был выслан за пределы СССР, то все силы бросил на то, чтобы создать организацию, способную противостоять компартиям и Коминтерну. Такой организацией явился IV Интернационал (сентябрь 1938 года).

В том же 1938 году Троцкий вновь возвращается к мысли написать книгу о Сталине. 14 апреля он направляет в редакцию издававшегося его сторонниками в Париже «Бюллетеня оппозиции» письмо: «Я обязался в ближайшие 18 месяцев написать книгу о Сталине и закончить книгу о Ленине».

Ни то, ни другое ему сделать не удалось. В оставшиеся два с небольшим года жизни Троцкий собирал материал о детских и юношеских годах Сталина, начале его революционной деятельности, годах подполья и ссылок, общения с Лениным и другими большевистскими лидерами. В буржуазной печати, в частности в американском журнале «Лайф», появляются первые наброски и зарисовки к главам будущей книги. Печатаемый нами очерк — один из таких набросков. В очерке фактически содержится краткий конспект основных идей и положений, которые затем Троцкий попытался воплотить в семи главах книги «Сталин».

При чтении очерка, как, впрочем, и других работ Троцкого, где он касается характеристики Сталина,— а это десятки страниц в книгах «Моя жизнь» (1930), «Перманентная революция» (1930), «История русской революции» (1931—1933), «Сталинская школа фальсификаций» (1932), «Преданная революция» (1936), «Их мораль и наша» (1938),— вполне естественно возникает вопрос — насколько достоверны сообщаемые Троцким сведения и адекватны ли действительности его оценки Сталина? Вопрос далеко не праздный.

При ответе на него невольно вспоминается весьма характерный эпизод из книги К. Симонова «Глазами человека моего поколения». В 1946 году писатель посетил США. В ходе одной из пресс-конференций ему был задан вопрос, читал ли он книгу Троцкого, в которой тот излагал биографию Сталина. «Я ответил, что нет, не читал,— рассказывал Симонов.— Тогда спросили, хотел бы я ее прочесть, эту книгу? Я сказал, что нет, не испытываю такого желания, потому что книги подобного сорта меня не интересуют. Тогда меня спросили, что я под-

разумеваю под «книгами такого сорта». Я ответил, что это те неспортивные книги, в которых человек, получивший нокаут и проигравший матч на первенство, начинает подробно описывать, как именно он его проиграл, и жалуется на происшедшее с ним. Ответ удовлетворил аудиторию» (Знамя. 1988. № 3. С. 45).

Думаю, что нас подобный ответ уже не удовлетворит хотя бы потому, что Симонов вынужден был дипломатничать — он хорошо знал о крайне негативном отношении Сталина к книге, о которой его спрашивали американцы. Это, конечно, не означает, что правы те публицисты, которые сегодня считают, что именно знание Сталина о готовившейся Троцким книге сыграло роковую роль в судьбе последнего, что, мол, именно это обстоятельство побудило Сталина принять меры к убийству своего противника. Думаю, что такие суждения — явная передержка. У Сталина и без этой книги был особый счет к Троцкому.

Но вернемся к воспоминаниям Симонова. В них есть одна важная деталь, мимо которой не пройдешь,— от побежденного человека, а тем более от поверженного политика вряд ли можно ждать объективности. Сознавал это и сам Троцкий. Он неоднократно пытался доказать, что в своем отношении к Сталину руководствовался не эмоциями, а элементарным желанием любого писателя понять мотивы поступков и ход мыслей своего персонажа.

13 октября 1939 года он пишет редактору «Лайфа»: «В связи с первой статьей для вашего журнала (имеется в виду публикуемый нами очерк.— *Н. В.*) вы охарактеризовали меня как «старого врага» Сталина. Это неоспоримо. Политически мы давно состоим со Сталиным в противоположных и непримиримых лагерях. Но в известных кругах стало правилом говорить о моей «ненависти» к Сталину и считать a priori, что этим чувством внушается все, что я пишу не только о московском диктаторе, но и об СССР». И далее: «В течение десяти лет моей последней эмиграции литературные агенты Кремля систематически освобождали себя от необходимости отвечать по существу на то, что я писал об СССР, ссылаясь, для собственного удобства, на мою «ненависть» к Сталину. Покойный Фрейд очень сурово относился к такого рода дешевому психоанализу».

Свою позицию Троцкий разъясняет и в книге «Портреты революционеров»: «Ненависть есть все же форма личной связи. Между тем нас со Сталиным разъединили такие огненные события, которые успели выжечь и испепелить без остатка все личное. В ненависти есть элемент зависти. Между тем беспримерное возвышение Сталина я рассматриваю и ощущаю как самое глубокое падение». Отсюда Троцким делались следующие выводы: «Сталин мне враг. Но и Гитлер мне враг, и Муссолини, и многие другие. По отношению к Сталину у меня так же мало «ненависти», как и по отношению к Гитлеру, Франко или микадо. Я стараюсь прежде всего понять их, чтоб тем лучше бороться против них».

Что и говорить — Троцкому не откажешь в способности убеждать собеседника. В искусстве самооправдания он достиг такого совершенства, что ему могли бы позавидовать — и завидовали! — многие обанкротившиеся политики и теоретики. Но именно это — спекулятивное в своей основе — искусство и способно вводить в заблуждение людей. Между тем достоверность предлагавшихся Троцким оценок событий и тем более исторических деятелей, в особенности тех, кто каким-либо образом влиял на его судьбу, вызывает настороженность многих историков, в том числе и зарубежных. Например, профессор Принстонского университета А. Улам не раз заявлял, что изложение событий самим Троцким — это полуправда с попытками игнорировать факты.

Непредвзято настроенный читатель без труда заметит, что Троцкий из всего виденного и слышанного им про Сталина отбирал только то, что работало на реализацию его центральной установки — показать Сталина политическим деятелем с самой невыгодной стороны и таким образом скомпрометировать его. Причем, чем больше Троцкий рассуждал о своей беспристрастности, тем очевиднее становилась его изначальная, если хотите, подсознательно присутствовавшая, перешедшая в нем на уровень инстинктов, неприязнь к Сталину. Видимо, такая

неприязнь — закономерное следствие любого политического поражения, а тем более такого поражения, которое потерпел в борьбе со Сталиным Троцкий.

Но с другой стороны, как бы мы ни относились к Троцкому, мы не можем не признавать его неуклонной — до конца! — борьбы против сталинской тирании, против режима личной власти Сталина. И в этой борьбе при всей ее непоследовательности и противоречивости, когда личная неприязнь к Сталину нередко переносилась Троцким на весь советский строй, нельзя не видеть и рациональных аспектов.

С этой точки зрения нам вряд ли уже следует отмахиваться от попыток Троцкого проанализировать истоки советского бюрократизма, его социально-политическую природу, выявить причины нарушения внутрипартийной демократии, провалов в экономической политике партии и государства, отступлений от социалистической законности и осуществления массовых репрессий и др.

Это, конечно, не значит, что правы современные троцкисты, которые в антисталинизме троцкизма 30-х годов пытаются разглядеть ростки нашей перестройки. Она не имеет ничего общего с троцкистской идеологией. Перестройка — это возврат не к Троцкому, как уверяют его нынешние идейные наследники, а к Ленину, творческое восприятие его идей о социализме как творении рук самих трудящихся, осуществляемом «без указов сверху».

Таковы лишь некоторые соображения, навеянные чтением очерка Троцкого о Сталине. Кому-то они могут показаться небесспорными. Но в отличие от прошлых времен редакция дает возможность читателям самим сделать выводы. Итак, читаем Троцкого...

В 1913 году в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником; через несколько лет он стал моим противником и министром Временного правительства. Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, со смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

— Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль.

Впечатление от фигуры было смутное, но не заурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновение, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая-то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление... Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: «И. Сталин». Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным, и что по ученической рукописи прошлась рука мастера [1]. Я не связывал автора статьи с тем загадочным грузином, который так неучтиво наливал себе в Вене стакан чаю и ко-

торому предстояло через четыре года возглавить Комиссариат национальной политики в первом Советском правительстве.

В революционный Петроград я приехал из канадского концентрационного лагеря 5 мая 1917 года. Вожди всех партий революции уже успели сосредоточиться в столице. Я немедленно встретился с Лениным, Каменевым, Зиновьевым [2], Луначарским, которых давно знал по эмиграции и познакомился с молодым Свердловым, которому предстояло стать первым председателем Советской Республики [3]. Сталина я не встречал. Никто не называл его. Он совершенно не выступал на публичных собраниях в те дни, когда вся жизнь состояла из собраний [4]. В «Правде», которой руководил Ленин, появлялись статьи за подписью Сталина. Я пробегал их через строку рассеянным взглядом и не справлялся об их авторе, очевидно, решив про себя, что это одна из тех серых полезностей, которые имеются во всякой редакции.

На партийных совещаниях я, несомненно, встречался с ним, но не отличал его от других большевиков второго и третьего ряда. Он выступал редко и держался в тени. С июля до конца октября Ленин и Зиновьев скрывались в Финляндии. Я работал об руку со Свердловым, который, когда дело касалось важного политического вопроса, говорил:

— Надо писать Ильичу.

А когда возникала практическая задача, замечал иногда:

— Надо посоветоваться со Сталиным.

И в устах других большевиков верхнего слоя имя Сталина произносилось с известным подчеркиванием — не как имя вождя, нет, а как имя серьезного революционера, с которым надо считаться.

После переворота первое заседание большевистского правительства происходило в Смольном, в кабинете Ленина, где некрашеная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми. Из-за перегородки раздался сочный бас Дыбенко; он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный характер. 29-летний чернобородый матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближавшейся к 46-й годовщине. В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

— Это он с Коллонтай, с Коллонтай...

Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

— Это их дело [5].

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились те же искры враждебности, которые я уловил в Вене. С этого времени он никогда больше не пытался вступать со мной в разговоры на личные темы.

Когда Сталин стал членом правительства, не только народные массы, но и даже широкие круги партии совершенно не знали его. Он был членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Даже в «коллегии» собственного комиссариата Сталин не пользовался авторитетом и по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве [6]. Возможности приказывать тогда еще не было, а способностью переубедить молодых противников Сталин не обладал. Когда его терпение истощалось, он попросту исчезал из заседания. Один из его сотрудников и панегиристов член коллегии Пестковский дал неподражаемый рассказ о поведении своего комиссара:

«Сказав: «Я на минутку»,— Сталин исчезал из комнаты заседания и скрывался в самых потаенных закоулках Смольного, а затем Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились».

Оставался обычно один терпеливый Пестковский. Из помещения Ленина раздавался звонок, вызывавший Сталина.

«Я отвечал, что Сталин исчез»,— рассказывает Пестковский. Но Ленин требовал срочно найти его.

«Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире матроса Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку...»

Эта запись с натуры дает нам первый ключ к характеру Сталина, главной чертой которого является противоречие между крайней властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов. Куря трубку в кухне на диване, он размышлял, несомненно, о крайнем вреде оппозиции, о невыносимости прений и о том, как хорошо было бы со всем этим раз навсегда покончить. Вряд ли он тогда надеялся, что ему удастся достигнуть этой цели.

* * *

Иосиф, или Сосо, четвертый ребенок в семье сапожника Виссариона Джугашвили, родился в маленьком городе Гори Тифлисской губернии 21 декабря 1879 года. Прежде чем закончится этот год, нынешнему диктатору России исполнится, следовательно, 60 лет. Мать, которой во время рождения четвертого ребенка было всего 20 лет, занималась стиркой белья, шитьем и выпечкой хлеба у более зажиточных соседей. Отец, человек сурового и необузданного нрава, большую часть скудного заработка пропивал. Школьный товарищ Иосифа рассказывает, как Виссарион своим грубым отношением к жене и сыну и жестокими побоями «изгонял из сердца Сосо любовь к Богу и людям, и сеял отвращение к собственному отцу».

Рабское положение грузинской женщины в семье наложило на Иосифа отпечаток на всю жизнь. Он признал позже программу, которая требовала полного равноправия женщин, но в личных отношениях навсегда остался сыном своего отца и смотрел на женщину как на низшее существо, предназначенное для необходимых, но ограниченных функций.

Отец хотел сделать из сына сапожника. Мать была более честолюбива и мечтала для своего Сосо о карьере священника, как мать Гитлера лелеяла надежду увидеть своего Адольфа пастором. 11-ти лет Иосиф поступил в духовное училище. Здесь впервые познакомился с русским языком, который навсегда остался для него школьным, усвоенным из-под палки, чужим языком. Большинство учеников были дети священников, чиновников, мелких грузинских дворян. Сын сапожника чувствовал себя маленьким парием среди этой захолустной аристократии. Он рано научился сжимать зубы с затаенной ненавистью в сердце.

Кандидат в священники уже в школе покончил с религией.

— Знаешь, нас обманывают,— сказал он одному из товарищей.— Бога не существует.

Юноши и девушки предреволюционной России вообще порывали с религией в раннем возрасте, нередко в детстве: это носилось в воздухе. Но формула «нас обманывают» несет на себе личную печать будущего Сталина. Из низшей духовной школы молодой атеист перевелся, однако, в духовную семинарию в Тифлис. Здесь он провел пять томительных лет. По внутреннему режиму семинария стояла между монастырем и тюрьмой. Недостаток пищи возмещался обилием церковных служб. Педагогика сводилась главным образом к наказаниям. Зато многие воспитанники научались под благочестивыми минами прятать от дежурных монахов свои мятежные мысли. Из тифлисской семинарии вышло немало кавказских революционеров. Немудрено, если в этой атмосфере Сосо примкнул к группе будущих заговорщиков. Его первые политические мысли были ярко окрашены национальным романтизмом. Сосо усвоил себе конспиративную кличку Коба, по имени героя грузинского патриотического романа. Близкие к нему товарищи называли его этим именем до самых последних лет; сейчас они почти все расстреляны.

В семинарии молодой Джугашвили еще острее, чем в духовном училище, ощущал свою бедность.

— Денег у него не было,— рассказывает один из воспитанников.— Мы же все получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы.

Тем необузданнее были мечты Иосифа о будущем. Он им покажет! Уже в те годы товарищи отмечали у Иосифа склонность находить у других только дурные стороны и с недоверием относиться к бескорыстным побуждениям. Он умел играть на чужих слабостях и сталкивать своих противников лбами. Кто пытался сопротивляться ему или хотя бы объяснять ему то, чего он не понимал, тот накликал на себя «беспощадную вражду». Коба хотел командовать другими.

Теперь он стал читать русских классиков, Дарвина, Маркса. Потеряв вкус к богословским наукам, Иосиф стал все ниже опускаться по лестнице познанья и оказался вынужден покинуть семинарию до окончания курса, в июле 1899 года. Он пробыл в духовной школе всего 9 лет и вышел из нее 20-летним юношей, т. е. на кавказский масштаб взрослым человеком. Он считал себя революционером и марксистом. Мечты матери увидеть Сосо в рясе православного священника рассыпались прахом.

Коба пишет прокламации на грузинском и плохом русском языках, работает в нелегальной типографии, объясняет в рабочих кружках тайну прибавочной стоимости, участвует в местных комитетах партии. Его революционный путь отмечен тайными переездами из одного кавказского города в другой, тюремными заключениями, ссылкой, побегами, новым коротким периодом нелегальной работы и новым арестом. Полиция характеризует его в своих рапортах как уволенного из духовной семинарии, проживающего без письменного вида, без определенных занятий, а также и квартиры.

Его друг молодости изображает его мрачным, обросшим волосами и неряшливым:

«Его средства,— объясняет он,— не давали ему возможности хорошо одеваться; но правда и то, что у него не было потребности поддерживать свою одежду в чистоте и порядке».

Судьба Кобы есть типичная судьба среднего провинциального революционера эпохи царизма. Что, однако, резко отличает его от товарищей по работе — это то, что на всех этапах его пути его сопровождают слухи об интригах, о нарушении дисциплины, о самоуправстве, о клевете на товарищей, даже о доносах полиции на соперников. Многое

в этих случаях, несомненно, ложно. Но ни о ком другом из революционеров не рассказывали ничего подобного!

После раскола между большевиками и меньшевиками в 1903 году осторожный и медлительный Коба выжидает полтора года в стороне, но в конце концов примыкает к большевикам [7]. Ему долго, однако, предстоит оставаться в тени. Блестящий инженер, впоследствии не менее блестящий советский дипломат Красин, игравший видную революционную роль на Кавказе в первые годы нынешнего столетия, называет в своих воспоминаниях ряд кавказских большевиков, но совершенно не упоминает о Сталине. За границей существует революционный центр во главе с Лениным. Все выдающиеся молодые революционеры находятся в связи с этим центром, совершают поездки за границу, ведут переписку с Лениным. Во всей этой переписке имя Кобы не названо ни разу. Он чувствует себя провинциалом, продвигается вперед медленно, ступает тяжело и завистливо озирается по сторонам.

Революция 1905 года прошла мимо Сталина, не заметив его. Он провел этот год в Тифлисе, где меньшевики господствовали безраздельно. В день 17 октября, когда царь опубликовал конституционный манифест, Кобу видели жестикулирующим на фонаре. В этот день все взбирались на фонари. Но Коба не был оратором и терялся перед лицом массы. Он чувствовал себя твердо только на конспиративной квартире.

Реакция принесла резкий упадок массового движения и временный подъем террористических актов. На Кавказе, где живы были еще традиции романтического разбоя и кровной мести, террористическая борьба нашла смелых исполнителей. Убивали губернаторов, полицейских, предателей; с бомбами и револьверами в руках захватывали казенные деньги для революционных целей. Имя Кобы тесно связано с этой полосой, но точно до сих пор ничего не установлено. Политические противники явно преувеличивали эту сторону деятельности Сталина; рассказывали, как он лично сбросил с крыши первую бомбу на площади в Тифлисе с целью захвата государственных денег. Однако в воспоминаниях прямых участников тифлисского набега имя Сталина ни разу не названо. Сам он ни разу не обмолвился на этот счет ни словом. Это не значит, однако, что он стоял в стороне от террористической деятельности. Но он действовал из-за кулис: подбирал людей, давал им санкцию партийного комитета, а сам своевременно отходил в сторону. Это более соответствовало его характеру.

Только в 1912 году Коба, доказавший в годы реакции свою твердость и верность партии, переводится с провинциальной арены на национальную. Конференция партии не соглашается, правда, ввести Кобу в ЦК. Но Ленину удается добиться его кооптации самим Центральным Комитетом. С этого времени кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали. В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 году будущие большевики назывались «твердыми», а меньшевики «мягкими». Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков «твердокаменными». Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме Каменев — по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру.

В марте 1913 года Сталин арестован в Петербурге и сослан в Сибирь за Полярный круг в маленькую деревню Курейку. Вернуться ему

пришлось только в марте 1917 года, после низвержения монархии. Предоставленный в течение четырех лет самому себе, Сталин не написал ни одной строки, которая была бы впоследствии напечатана. А между тем это были годы мировой войны и великого кризиса в мировом социализме. Свердлов, которому пришлось некоторое время жить со Сталиным в одной комнате, пишет своей сестре:

«Нас двое, со мною грузин Джугашвили... парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни».

Из Курейки переводились в другие места и другие ссыльные. Желчный, снедаемый честолюбием и враждебностью к людям, Сталин был для всех тяжелым соседом.

«Сталин замкнулся в самом себе,— вспоминал впоследствии один из ссыльных,— занимался охотой и рыбной ловлей; он жил почти в совершенном одиночестве».

Охота была без ружья: Сталин предпочитал ставить капканы. В 1916 году, когда стали мобилизовывать старшие возрасты, Иосиф Джугашвили был призван в ссылке к отбыванию воинской повинности, но в армию не попал из-за несгибающейся левой руки.

В тюрьмах и ссылке Сталин провел в общем около 8 лет, но — поразительное дело: ему так и не удалось за этот срок овладеть ни одним иностранным языком. В бакинской тюрьме он пробовал, правда, изучить немецкий язык, но бросил это безнадежное дело и перешел на эсперанто, утешая себя тем, что это язык будущего. В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина искал всегда линии наименьшего сопротивления. В конце февраля 1917 года (по старому стилю) побеждает революция. Сталин возвращается в Петроград. В прошлом декабре ему исполнилось 37 лет.

* * *

Вместе с Каменевым Сталин отстраняет от руководства партией группу молодых товарищей, в том числе Молотова, нынешнего Председателя Совнаркома, как слишком левых, и берет курс на поддержку Временного правительства. Но через три недели прибывает из-за границы Ленин, отстраняет Сталина и дает партии курс на завоевание власти. В течение месяцев революции трудно проследить деятельность Сталина. Более крупные и даровитые люди занимают авансцену и оттесняют его отовсюду. Ни теоретического воображения, ни исторической дальнозоркости, ни дара предвосхищения у него нет. В сложной обстановке он предпочитает молча выжидать. Новая идея должна была создать свою бюрократию, прежде чем Сталин мог проникнуться к ней доверием.

Революция, у которой свои законы и ритмы, попросту отрицает Сталина — осторожного кунктатора. Так было в 1905 году. Так повторилось в 1917 году. И в дальнейшем каждая новая революция — в Германии, в Китае, в Испании — неизменно застигала его врасплох и порождала в нем чувство глухого недовольства революционной массой, которою нельзя командовать при помощи аппарата.

Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своем роде целостное дитя природы. На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина,— это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая проницательность, сила воли, выдержка,— все было связано в нем в одно активное целое. Он без усилий мобилизовывал в один момент разные

стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь 10—20%, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения. Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатия к угнетенным, которая так согревала и облагораживала человеческий облик Ленина. Между тем Ленин тоже умел ненавидеть.

В период Октябрьской революции Сталин, более чем когда-либо, воспринимал свою карьеру как ряд неудач [8]. Всегда являлся кто-нибудь, кто его публично поправлял, затмевал, отодвигал. Его честолюбие не давало ему покоя как внутренний нарыв и отравляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мнительностью и завистливостью. В Политбюро он почти всегда оставался молчаливым и угрюмым. Только в кругу людей первобытных, решительных и не связанных предрассудками он становился ровнее и приветливее. В тюрьме он легче сходился с уголовными арестантами, чем с политическими.

Грубость представляет органическое свойство Сталина. Но с течением времени он сделал из этого свойства сознательное орудие. На людей незамысловатых грубость нередко производит впечатление искренности. «Этот человек не мудрствует лукаво,— он выливает наружу все, что думает». Именно это Сталину и нужно. В то же время Сталин крайне чувствителен, обидчив, капризен, когда дело касается его. Почувствовав себя оттиснутым в сторону, он поворачивается спиной к людям, забивается в угол, сосет трубку, угрюмо молчит и мечтает о мести.

В борьбе Сталин никогда не опровергает критики, а немедленно поворачивает ее против противника, придав ей самый грубый и беспощадный характер. Чем чудовищнее обвинения, тем лучше. Политика Сталина, говорит критик, нарушает интересы народа. Сталин отвечает: мой противник — наемный агент фашизма. Люди ошарашены, но не допускают возможности такой чудовищной лжи. Этот прием, на котором построены московские процессы, мог бы быть смело увековечен в учебниках психологии как «рефлекс Сталина».

* * *

Жили в Кремле в первые годы революции очень скромно. В 1919 году я случайно узнал, что в кооперативе Совнаркома имеется кавказское вино, и предложил изъять его, так как торговля спиртными напитками была в то время запрещена.

— Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют,— говорил я Ленину,— произведет плохое впечатление.

Третьим при беседе был Сталин.

— Как же мы, кавказцы,— сказал он с раздражением,— будем без вина?!..

— Вот видите,— подхватил шутливо Ленин,— грузинам без вина никак нельзя!

Я капитулировал без боя.

В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты кремлевского дворца. Жена моя, которая в течение девяти лет заведовала музеями и историческими памятниками, воспро-

тивилась, так как дворец охранялся на правах музея. Ленин написал ей большое увещевательное письмо: можно-де из нескольких комнат дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные выстрелы, и проч. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для обследования вопроса. Комиссия признала, что дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру сговорчивый Серебряков, тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя.

Я никогда не бывал на квартире у Сталина. Но французский писатель Анри Барбюс, написавший незадолго до своей смерти две биографии: Иисуса Христа и Иосифа Сталина,— дал тщательное описание маленького кремлевского дома, во втором этаже которого находится скромная квартира диктатора. Барбюса дополнил бывший секретарь Сталина Бажанов, бежавший за границу. У дверей квартиры постоянно стоит часовой. В маленькой передней висят солдатская шинель и фуражка хозяина. В трех комнатах и столовой простая мебель. Старший сын Яша, от первого брака, долгое время спал в столовой на диване, который на ночь превращали в постель... Но уж несколько лет как он стал инженером и отделился от отца.

Завтрак и обед раньше приносили из столовой Совнаркома, но в последние годы, из страха перед отравлением, стали готовить пищу дома. Если хозяин не в духе, а это бывает нередко, за столом все молчат.

«В своей семье,— рассказывает Бажанов,— он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены или сына».

После завтрака глава семьи усаживается в кресло возле окна и курит трубку. Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

— Коба, тебя зовет Молотов,— говорит Надежда Аллилуева [9].

— Скажи ему, что я сплю,— отвечает Сталин в присутствии секретаря, чтобы показать свое пренебрежение к Молотову.

Со времени гражданской войны Сталин всегда носит нечто вроде военной формы, чтобы напоминать о своей связи с армией: высокие сапоги, тужурку и брюки хаки.

«Его никогда не видели одетым иначе, за исключением лета, когда он — в белом полотне».

Дело идет о передней, о шинели и о сапогах, и мы можем признать свидетельство Барбюса достаточно авторитетным.

Ночные автомобили на кремлевском дворе не давали спать. В конце концов вынесено было постановление: после 11 часов ночи автомобилям останавливаться у арки, где начинаются жилые корпуса; дальше все должны двигаться пешком. Однако чей-то автомобиль продолжал нарушать порядок. Разбуженный не в первый раз в три часа ночи, я дождался у окна возвращения автомобиля и окликнул шофера.

— Разве вы не знаете постановления?

— Знаю, товарищ Троцкий,— ответил шофер,— но что же мне делать? Товарищ Сталин приказал у арки: «Поезжай!»

Кроме кремлевской квартиры у Сталина есть дача Горки, где некогда жил Ленин и откуда Сталин вытеснил его вдову. В одном из помещений — экран кинематографа. В другом — драгоценный инструмент, который призван удовлетворять музыкальные потребности хозяина: это пианола. Другая пианола у него на кремлевской квартире. Он, видимо, не может долго жить без искусства. Часы отдыха он проводит за му-

зыкальным ящиком, наслаждаясь мелодиями из «Аиды». В музыке, как и в политике, он предпочитает послушный аппарат. Советские композиторы тем временем воспринимают как закон каждое указание диктатора, у которого две пианолы.

В 1903 году, когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке. Брак, по рассказу друга его детства, был счастливым, потому что жена «выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить». Молодая женщина проводила ночи в горячих молитвах, когда ее муж участвовал в тайных собраниях. Терпимость к религиозным верованиям жены вытекала из того, что Коба не искал в ней друга, способного разделить его взгляды. Молодая женщина умерла в 1907 году от туберкулеза или от воспаления легких, и ее похоронили по православному обряду [10]. От нее остался мальчик, который лет до 10 находился на попечении родственников в Тифлисе, а затем был доставлен в Кремль. Мы часто его находили в комнате наших сыновей. Нашу квартиру он предпочитал отцовской. В своих бумагах я нахожу такую запись жены:

«Яша — мальчик лет 12-ти, с очень нежным смуглым личиком, на котором привлекают (внимание) черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миниатюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать. В манерах, в обращении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет,— за курение. «Но нет, побоями он меня от табаку не отучит». «Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым,— рассказывал мне Сережа [11].— Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком».

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

— Продолжай, продолжай,— сказал я ему успокоительно.

— Папа мой сумасшедший,— сказал он убежденно.— Сам курит, а мне не позволяет.

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный мне Бухариным, видимо, в 1924 году, когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественные отношения со мной.

«Только что вернулся от Кобы,— говорил он мне.— Знаете, чем он занимается? Берет из кроватки своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенку в лицо...

— Да что вы за вздор говорите! — прервал я рассказчика.

— Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда,— поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью.— Младенец захлебывается и плачет, а Коба смеется-заливается: «Ничего, мол, крепче будет...»

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

— Да ведь это же дикое варварство?!

— Вы Кобы не знаете: он уж такой, особенный...

Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был действительно «особенный»: он «закалял» младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыма при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион... Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы «доверить своих детей». Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать...

Вторым браком Сталин был женат на Надежде Аллилуевой, доче-

ри русского рабочего и матери-грузинки. Надежда родилась в 1902 году, после переворота работала в секретариате Ленина, была во время гражданской войны на Царицынском фронте, где находился и Сталин. Ей было 17 лет, Сталину — 40. Она была очень миловидна и скромна. Уже став матерью двух детей, она поступила студенткой в промышленную академию. Когда против меня развернулась травля под руководством Сталина, Аллилуева при встрече с моей женой проявляла двойное внимание. Она чувствовала себя, видимо, ближе к тем, которых травили. 9 ноября 1932 года Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Москве шушукались, что она застрелилась и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние Аллилуевой, когда она возвращалась к себе в квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня.

* * *

В драме популярного русского писателя Афиногенова, написанной в 1931 году, говорилось, что, если обследовать сто граждан, то окажется, что 80 действуют под влиянием страха. За годы кровавых чисток страх охватил и большую часть остальных 20%. Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день. Сталин всегда не доверял массам, теперь он боялся их. Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной. Этот союз мог быть предвиден: дипломатам следовало бы только вовремя переменить очки. Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже с Соединенными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны. Сталин знает, что, если бы СССР в союзе с демократиями вышел бы из войны победоносным, то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию. Задача Кремля не в том, чтобы найти союзников для победы, а в том, чтобы избежать войны. Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином и Токио. Такова исходная позиция Сталина со времени победы наци.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нем самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя еще не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер — сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии — собирается ни меньше и ни больше как перестроить нашу планету по образу и подобию своему.

Фигура Сталина и путь его — иные. Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина [12]. Но аппарат есть мертвая машина, которая,

как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насквозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он проницателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. Выдающийся тактик, он не стратег. Это доказано его поведением в 1905 году, во время прошлой войны 1917 года. Сознание своей посредственности Сталин неизменно несет в самом себе. Отсюда его потребность в лести. Отсюда его зависть по отношению к Гитлеру и тайное преклоненье перед ним.

По рассказу бывшего начальника советского шпионажа в Европе Кривицкого, огромное впечатление на Сталина произвела чистка, произведенная Гитлером в июне 1934 года в рядах собственной партии.

— Вот это вождь! — сказал медлительный московский диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс «самой демократической в мире конституции», наконец, нынешнее вторжение в Польшу — все это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина.

Адвокаты Кремля — иногда, впрочем, и его противники — пытаются установить аналогию между союзом Сталина — Гитлера и Брест-Литовским миром 1918 года. Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого, как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником. О нашей помощи Гогенцоллерну не было при этом и речи. Что касается нынешнего пакта, то он заключен при наличии советской армии в несколько миллионов; непосредственная задача его — облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом «освобождения» 8 миллионов украинцев и белорусов ведет к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение обнаруживает не сходство, а прямую противоположность.

Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению патриотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гитлером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти — мотив мести. В 1920 году Тухачевский, будущий маршал, вел красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг. С Егоровым шел Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угрожает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с Лембергского направления на Люблин, чтоб поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, «перехватит» у него Лемберг. Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки. Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии Егорова повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее вторжение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 года.

Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования: он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал комму-

нистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унизительного и предательского союза Сталин не купит главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу. На каждом новом этапе Гитлер будет предъявлять Москве все более высокие требования. Сегодня он отдает московскому другу на временное хранение «Великую Украину», завтра он поставит вопрос о том, кому быть хозяином этой Украины. И Сталин и Гитлер нарушали ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними? Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов. «Спасайся, кто может!» станет лозунгом правительств, наций, классов. Московская олигархия, во всяком случае, не переживет войны, которой она так основательно страшилась. Падение Сталина не спасет, однако, и Гитлера, который с непогрешимостью сомнамбула влечется к пропасти.

Перестроить планету Гитлеру даже при помощи Сталина не удастся. Ее будут перестраивать другие.

22 сентября 1939 года
Койоакан

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вот как этот же эпизод Троцкий позднее рассказал в книге «Сталин»: «Период реакции чрезвычайно обострил в России национальный вопрос... Горький с тревогой писал Ленину о необходимости противодействовать шовинистическому одичанию. «Насчет национализма вполне с вами согласен,— отвечал Ленин,— что надо заняться этим посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы именно на это наляжем». Речь шла о Сталине». И далее: «Это, кстати сказать, единственный, пожалуй, случай, когда Ленин характеризует видного русского революционера по национальному признаку. Он имел в виду, собственно, не грузина, а кавказца: элемент первобытности, несомненно, подкупал Ленина; недаром он с такой нежностью относился к Камо». И затем по поводу самой статьи Сталина: «Во время своего двухмесячного пребывания за границей Сталин написал небольшое, но очень содержательное исследование: «Марксизм и национальный вопрос». Будучи предназначена для легального журнала, статья пользуется осторожным словарем. Но революционные тенденции ее выступают, тем не менее, совершенно отчетливо» (Троцкий Л. Сталин. Нью-Йорк. 1985. С. 215).

[2] По поводу этой встречи есть свидетельство одного из ее участников, старого большевика К. С. Еремеева. В редакции большевистской «Правды» Троцкого действительно ждали. Полагали, что «как только т. Троцкий приедет (в Россию из эмиграции.— Н. В.), стремглав бросится в редакцию «Правды» и скажет: я ваш». Однако Троцкий появился не скоро, спустя две недели после возвращения из-за границы. Во время его визита в редакцию он встретился с Лениным, Зиновьевым и Каменевым. Но серьезной беседы не получилось. «...Разговор шел примерно такой, когда приходят джентльмены в малозаметное место и говорят о погоде,— рассказывал Еремеев.— Потом Владимир Ильич смеялся: «Вот поговорили о погоде». Говорили так, между прочим, говорили вообще, но не приступили к делу. После этого отдельно с тов. Троцким говорил тов. Каменев, и только тогда он дал свою первую статью» (Бубнов А. Основные вопросы истории РКП. М.; Л., 1925. С. 93—94).

[3] Троцкий путает. Первым председателем Советской Республики, точнее — ВЦИК, на II съезде Советов был избран по предложению большевиков Л. Б. Каменев. Через две недели после правительственного кризиса, происшедшего по вине группы Зиновьева — Каменева, председателем ВЦИК был назначен Я. М. Свердлов.

[4] Троцкий верно отмечал значение собраний на данном этапе развития революционных событий в России. Но при этом он явно преувеличивал их влияние. И делал он это сознательно, стремясь таким способом оттенить свою роль действительно одного из лучших в ту пору ораторов в рядах российской социал-демократии. Троцкий в буквальном смысле слова кружил головы не только простым рабочим, солдатам, но и поднаторевшим в политике людям. Например, один из межрайонцев М. С. Урицкий в мае 1917 года, находясь под впечатлением речей Троцкого, говорил: «Вот пришла великая революция (Февральская.— Н. В.), и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого».

Комментируя это заявление, А. В. Луначарский попытался защитить Ленина, а вместе с ним и тех большевиков, которым некогда было ходить по собраниям, поскольку они были заняты малозаметной для постороннего глаза организаторской подготовительной работой, но сам оказался под влиянием личности Троцкого. «Эта оценка,— писал он,— оказалась неверной не потому, что она преувеличивала дарования и мощь Троцкого, а потому, что в то время еще не ясны были размеры государственного гения Ленина. Но действительно, в тот период, после громового успеха его приезда в Россию и перед июльскими днями, Ленин не только тушевался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил, главным образом, организационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах» (Луначарский А. В. Великий перелом. Октябрьская революция. Ч. 1. Петербург, 1919. С. 78, 79).

[5] Отношение Троцкого к этому эпизоду было не совсем таким спокойным, как он это изобразил сам. В книге известного бизнесмена и общественного деятеля США А. Хаммера «Мой век — двадцатый. Пути и встречи» (Прогресс, 1988) отмечается, что Троцкий был одним из тех членов ЦК, которые особенно резко осуждали отношения Коллонтай и Дыбенко. Когда они, покинув занимаемые ими посты, неожиданно уехали из Петрограда в Крым, Троцкий в ультимативной форме потребовал их казни.

В отличие от насмешек Сталина и «жаждавшего крови» Троцкого, Ленин совсем иначе реагировал на это происшествие. «Ленин очень просто решил, как наказать Дыбенко и Коллонтай,— пишет Хаммер.— На заседании Центрального Комитета партии, посвященном этому вопросу, он подождал, пока все выскажутся, и затем спокойно сказал: «Вы правы, товарищи. Это — очень серьезное нарушение. Я лично считаю, что расстрел будет для них недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет». Доброта сердца Коллонтай была хорошо известна, да и Дыбенко недаром заслужил репутацию победителя женских сердец,— продолжает Хаммер.— Комитет встретил предложение Ленина взрывом хохота, и на этом инцидент был исчерпан. Но говорили, что Коллонтай так никогда и не простила этого Ленину».

[6] Вот что по тому же самому поводу говорил В. И. Ленин. Выступая на XI съезде РКП(б), он подверг резкой критике Е. А. Преображенского за нападки на Сталина как наркомнаца. При этом Ленин заявил: «Нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме тов. Сталина» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель, 1922 год: Стенографический отчет. М., 1961. С. 143).

Это, конечно, не означает, что сам Ленин был во всем согласен со Сталиным. Известна, например, его критика сталинского проекта «автономизации», согласно которому республики Украина, Белоруссия и Закавказье должны были войти в состав РСФСР на правах автономии. Просто в данном, как и любом другом вопросе, нужен не абстрактный, а конкретно-исторический подход, что, к сожалению, Троцким не всегда делалось.

[7] Троцкий и здесь сгущает краски. По имеющимся сведениям из разных источников, Сталин сразу и безоговорочно занял сторону большевиков, хотя впоследствии и допускал неверные толкования смысла и содержания борьбы Ленина и его сторонников против ликвидаторов и отзовистов.

[8] Смотря что понимать под «неудачами». Сталин действительно по возвращении из Туруханского края поддерживал позицию Каменева, сводившуюся к требованию давления на Временное правительство. После Апрельской конференции РСДРП(б) Сталин перешел на платформу Ленина, с которой не сходил ни во время июльских событий, положивших конец двоевластию, ни в ходе подготовки VI съезда РСДРП(б), на котором именно Сталин выступил с отчетным докладом ЦК. Впоследствии Сталин входил в редакцию ЦО, был избран в состав Политбюро на заседании ЦК 10 октября, а 16 октября — в состав Военно-революционного центра (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 104).

[9] Н. Аллилуева никогда не называла Сталина Кобой.

[10] В книге «Сталин» Троцкий посвятил этому событию целых две страницы. Причем говорил о глубоких переживаниях Сталина с необычной для него симпатией, обильно цитировал воспоминания друга Сталина по духовной семинарии Иремашвили: «Когда скромная процессия достигла входа на кладбище, Коба пожал мою руку,— рассказывал Иремашвили,— показал на гроб и сказал: «Сосо, это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла, и вместе с ней — последние теплые чувства к людям». Он положил правую руку на грудь: «Здесь внутри все так опустошено, так непередаваемо пусто!» После этой цитаты Троцкий заметил: «Эти слова могут показаться театрально-патетическими и неестественными, но они вполне похожи на правду, и не только потому, что дело идет о молодом человеке, которого постиг первый личный

удар: мы и в дальнейшем встретим у Сталина склонность к сухой патетике, нередкой у черствых натур. Угловатую стилистику для выражения своих чувств он почерпал из внешней семинарской гомилетики» (Троцкий Л. Сталин. С. 130).

[11] Младший сын Троцкого и Н. Седовой.

[12] Подобного рода рассуждения о Сталине, как «производном аппарата», можно встретить сегодня в работах некоторых советских исследователей. Об этом, например, идет речь в интересной и содержательной книге Д. А. Волкогонова «Триумф и трагедия». Я полагаю, что такого рода суждения грешат отступлением от конкретно-исторической реальности данного периода. Ведь речь шла не о 30-х годах, когда действительно группе Сталина удалось захватить безраздельную власть над партийным и государственным аппаратами. Дело происходило в начале 20-х годов, когда еще ленинские традиции внутрипартийной демократии не выветрились, когда и сам аппарат, хотя уже и начал проявлять «норов», но все-таки оставался в целом подконтрольным партии. Наконец, неверно было бы представлять аппаратчиком только одного Сталина.

Справедливости ради, следует сказать, что первым, кто стал использовать в своих целях аппарат, был не Сталин, а сам Троцкий. Как председатель Реввоенсовета, он создал весьма мощную команду не только личной охраны, насчитывавшей около полутысячи «кожанок», но и столь же разветвленный штат идеологических сотрудников. Под руководством Глазмана, Сермукса, Познанского десятки «писателей» и «исследователей» готовили для Троцкого материалы для докладов и речей, писали записки и справки, отбирали и редактировали его многочисленные статьи, готовили к изданию книги. Более того, само собрание сочинений Троцкого — плод работы специальной группы во главе с Ленцинером. Троцкий неоднократно в печати высказывал ему за это благодарность.

Своими штатными аппаратами располагали Зиновьев, как председатель Петроградского Совета и Исполкома Коминтерна, Каменев, как председатель Моссовета и один из замов Ленина, а после его смерти председатель Совета Труда и Обороны, Рыков, как заместитель, а затем председатель Совнаркома, и др. Хорошо известно, какую громадную помощь Бухарину оказывала по руководству средствами массовой информации, идеологической деятельностью партии его «школа» так называемых красных профессоров.

Естественно, что в ходе развернувшейся в партии борьбы за лидерство, во время внутрипартийных дискуссий каждый из руководителей опирался на свой аппарат. Поэтому в известной мере это была и борьба аппаратов, и в ней группе Сталина удалось взять верх. Но, опять-таки, повторюсь, сделать это без поддержки партийных низов в начале — середине 20-х годов было бы просто невозможно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 2. Протоплазма. 9. Бриз. 11. «Соть». 12. Койот. 13. Фирма. 14. Ягода. 16. Комбайнер. 18. Архив. 20. Дрюон. 21. Толай. 23. Егорлык. 26. Пикадор. 28. Пульт. 29. Горелки. 30. Ребус. 31. Лексель. 32. Актриса. 33. Гольф. 35. Собор. 37. Рибли. 39. «Коммунист». 42. Школа. 43. Уржум. 45. «Татра». 46. Арка. 47. Риал. 48. Лиственница.

По вертикали: 1. Гриф. 3. Рысак. 4. Текемет. 5. Пойма. 6. Актиний. 7. Маляр. 8. Этна. 10. Зархи. 11. Смотр. 15. Ватерполист. 17. Инкрустация. 19. Вольтметр. 20. Декоратор. 22. «Либерал». 24. Облик. 25. Кегль. 26. Плица. 27. Дебри. 33. Гематит. 34. Фритаун. 36. Опока. 38. Инжир. 39. Капли. 40. Устье. 41. Тунец. 42. Шерп. 44. Муар.

за горло своим призывным пафосом, неожиданно переходящим в сладкую до липкости сентиментальность. Разве это не роковая загадка и не вечный вопрос — почему сверхчеловеческий, антигуманный в своей основе гигантизм наших тяжелых и вялых риторических памятников — мастодонтов так гармонично сочетается с гипсовой садово-парковой массовкой и тиражной салонно-прикроватной милотой? Этого внешне парадоксального сочетания у нас почти не замечают. А пожалуй, стоило бы устроить весьма поучительную выставку шедевров сталинско-брежневской эпохи, где с научной искусствоведческой дотошностью можно было бы выстроить весь ряд превращений на пути «от великого до смешного». Пока же эта выставка не открылась, вернемся в наши парки, на наши площади и улицы, в наши салоны и галантереи и будем внимательны и осторожны. Потому что

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся идти обратно.
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно...

Вильям Мейланд

Снимки, иллюстрирующие этот очерк, сделаны в Москве, Перми, Нижнем Тагиле.

